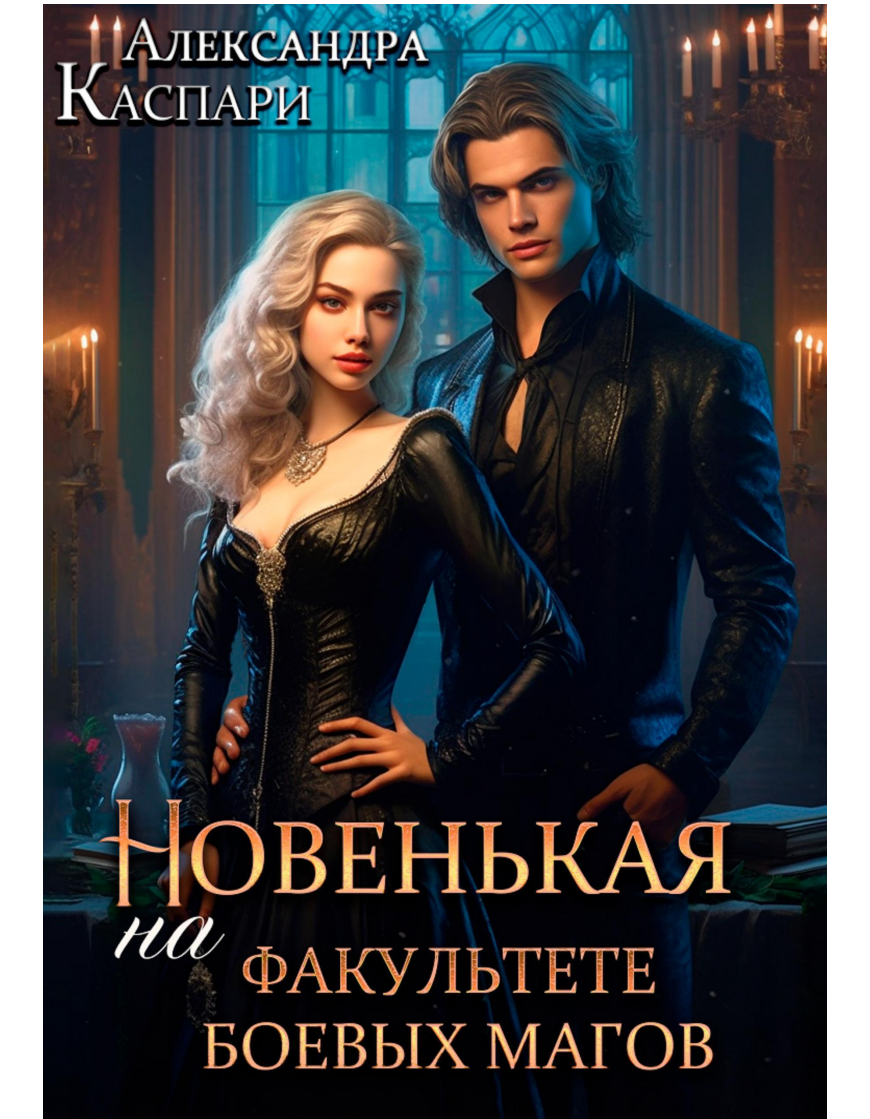

АЛЕКСАНДРА
КАСПАРИ

НОВЕНЬКАЯ
на ФАКУЛЬТЕТЕ
БОЕВЫХ МАГОВ

Александра Каспари

Новенькая на факультете боевых магов

<https://litres.ru/71945056>

SelfPub; 2026

Аннотация

Спасая свою честь, я нарушила Устав, но вместо отчисления получила билет в лучшую академию Первого Континента. Правда, у этого спасения есть своя цена: ректор заставил меня поклясться выполнить одно его деликатное задание. Теперь я – единственная девушка на факультете боевых магов и настоящая заноза для командира, возненавидевшего меня с первой минуты. Но он не учёл того, что мне позарез нужен диплом. Ради этой «корочки» я готова день и ночь грызть гранит науки, терпеть изнурительные тренировки и даже выжить собственного командира.

Когда наступает время платить по счетам, мне приходится заключить союз с заклятым врагом, а ещё – притвориться его невестой. Но кто же знал, что эта роль окажется самой трудной?..

Содержание

Глава 1. И в чём подвох?	4
Глава 2. А если моя родная стихия – вовсе не земля?	16
Глава 3. То ли к нему бежать, то ли от него	32
Глава 4. Не каждый соперник – твой заклятый враг	52
Глава 5. Тебе не место на моём факультете, командир	70
Глава 6. Я не против лишний раз его позлить	80
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Александра Каспари

Новенькая на факультете боевых магов

Глава 1. И в чём подвох?

В незапамятные времена боги создали на Земле воду и сушу – один суперконтинент под названием Родания. Засаживали её растениями, заселили зверями и птицами и создали людей, чтобы те повелевали над всей живой и неживой природой. Наделили каждого четырьмя частичками магии – воды, огня, воздуха и земли. И всё было хорошо, пока в самом начале эры Ориона в результате череды природных катаклизмов Родания не распалась на четыре континента. Два из них оказались под властью эльфов и их прислужников, которых наши предки окрестили адскими гончими. Ну а сами люди потеряли три составляющие своей магии, оставшись только с одной – кому-то досталась стихия воды, кому-то огня, третьи владели магией земли, а четвёртые, оказавшись в меньшинстве, повелевали магией воздуха. Редко кому посчастливилось стать обладателем двух стихий сразу, а уж о трёх или четырёх и говорить нечего – это стало недостижимой мечтой. Люди верили, что, стоит четырём континентам

соединиться в один, как на планете снова настанет благодать, эльвы исчезнут, а люди обретут утраченную магию.

Никто толком не знает, откуда пришли эльвы и их гончие. Кто-то утверждает, будто они жили в Родании ещё до появления людей, кто-то собирает доказательства тому, будто они прилетели из другой галактики и их космолёт потерпел на нашей планете крушение, третьи говорят, что эльвы – иномиряне и им не подвластны ни пространство, ни время, а четвёртые уверяют, будто эльвы и есть сошедшие с небес боги. В Альверии, где двадцать один год тому родилась я, никого особо не заботило происхождение эльвов. «Неважно, откуда они взялись, – говорила тётя Эмили, – важно, когда они уйдут насовсем». Жители Альверии ненавидели их так же сильно, как и боялись. Почти тысячу лет длилась кровопролитная борьба, и в этой борьбе я потеряла родителей и почти всех родных и знакомых. Но ещё сильнее альверийцы ненавидели гончих – настоящих исчадий ада, одержимых жаждой крови и не ведающих ни жалости, ни сострадания.

Всё это (разумеется, кроме факта моего рождения) иллюстрировали многочисленные картины, развешанные в галерее по пути к кабинету ректора. Обычно мимо полотен с изображением адских гончих и их хозяев я пролетала кометой, но сегодня невольно замедлила шаг – сама не знаю зачем, наверное, чтобы окончательно угробить оставшиеся нервные клетки. И вдруг расхохоталась – какой-то смельчак, не страшась ректорского гнева, пририсовал эльвам чёрные

крылышки, хвосты и копытца – символ того, что вся эта братия дружно отправляется в ад на вечную каторгу.

Этот мимолётный приступ веселья здорово поднял пошатнувшуюся было самоуверенность и придал сил и надежды, и в приёмную ректора я входила с гордо поднятой головой и без внутреннего трепета.

Мисс Хавьер – платиновая блондинка в идеально выглаженном синем костюме и стильных квадратных очках – бросила, не отрываясь от печатной машинки:

– Из-за вас, кадет Фостер, приходится перепечатывать идеально составленный приказ!

– И вам хорошего дня, мисс Хавьер, – отозвалась я. – Ректор Уоллингтон у себя?

Секретарь презрительно хмыкнула, не удостоив меня ответом, и, оправив китель, я постучалась в резную дубовую дверь.

– Вызывали, ректор Уоллингтон?

В просторном кабинете ректора царил полумрак. Защитной магии достаточно, чтобы полуденные лучи не проникали сквозь стекло и не раздражали ненавидящего солнце главу академии. За глаза его все называли вампиром и я не была исключением.

– Входите, кадет Фостер, – велели мне.

Тот факт, что меня всё ещё называли кадетом, а не «мисс Фостер», говорило о многом. Да, меня запросто могли отчислить. Было за что.

В кабинете мы не одни. Мистер Нокс, небезызвестный глава попечительского совета, тоже здесь. Сидит в кресле, пытаясь испепелить меня взглядом. Но, насколько мне известно, он не владеет магией огня, а потому ничего у него не выйдет.

Я уселась в кресле напротив, держа спину ровно. Тётя Эмили учила меня в любой ситуации не опускать три вещи: подбородок, руки и чувство собственного достоинства, и я как послушная племянница всегда старалась придерживаться этого правила.

– Мы изучили вашу ситуацию, кадет Фостер, – прочистив горло, начал ректор Уоллингтон, – и готовы пойти навстречу. Вы попадаете в число кадетов, отобранных для программы межконтинентальной академической мобильности. Поздравляю. Необходимые документы вы получите у секретаря.

Хм. И в чём подвох?

– Но с одним условием, – добавил ректор.

– Скорее, просьбой деликатного характера, – уточнил глава попечительского совета. Голос у него был в высшей степени неприятный – дребезжащий, как расстроенное фортепиано.

– Ничего предосудительного от вас не требуется, – продолжал «вампир», – всего лишь выполнить одну небольшую услугу.

– Услугу какого плана? – поинтересовалась я.

– Детали мы сообщим вам на месте, – продребезжал мистер Нокс.

– Прошу меня простить, но я не могу согласиться на то, чего не понимаю, – возразила я.

– Видите ли, у вас совершенно нет выбора. – Ректор говорил вкрадчиво, будто не угрожал вовсе, а одолжение делал. – Подумайте о своей семье. Что с ней станет, если мы дадим ход заявлению мистера Нокса? Вас не только отчислят из академии, но и предадут суду за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью кадету Ноксу с использованием нежелательной магии. А это значит, что ваша тётя и ваш брат никогда не станут полноправными гражданами Союза Трёх Континентов. Сколько мальчику, кстати? Семь? Восемь?..

– Восемь, – скрипнула зубами я.

– Значит, мальчик уже учится в школе, – проехался по ушам мистер Нокс, – подумайте о его будущем и о том несмываемом пятне, которое вы самолично нанесёте его репутации.

Не перегибать палку – великое искусство. И этим искусством мужчины из семейства Ноксов явно не владеют.

Но и я хороша. Владея магией земли (и то, нужно признать, весьма посредственно), в критические минуты я воспламенялась, словно сухая трава от малейшей искорки.

– Простите, но не вам подавать на меня заявление в префектуру! И не вашему сыну! – взвилась я. – Это он должен предстать перед префектом, а не я! Я не просто так превра-

тила вашего сыночка в корягу – я защищала свою честь, здоровье и, возможно, даже свою жизнь!

– Следите за своей речью, мисс Фостер, – пригрозил ректор, – иначе к прежним обвинениям добавится обвинение за распространение заведомо ложной информации.

– Мой сын не мог так поступить, – вторил ему мистер Нокс, – он воспитан настоящим джентльменом, который никогда не обидит девушку.

– Вы плохо знаете собственного сына! – запальчиво отвечала я. – Он заносчивый, наглый, высокомерный и совершенно невыносимый тип, который третирует первокурсников, грубит преподавателям и не пропускает ни одной юбки. Джентльменством от него и не пахнет!

– Да это вы вели себя вызывающе, что готовы подтвердить не менее дюжины свидетелей! – верещал папаша Нокс. – Несчастному мальчику по вашей вине предстоит длительная реабилитация, и кто знает, восстановится ли когда-нибудь его здоровье! А о психологической травме я вообще промолчу. Вы знаете, милочка, во сколько мне обойдётся его лечение? Учитывая вашу финансовую несостоятельность, на помощь я не рассчитываю.

Я могла бы сказать, что уродец несколько не пострадал – нечего ему там травмировать, а в деревянном состоянии он и пяти минут не пробыл – скрипел так, что на шум сбежалась охрана. Которая, конечно же, не слышала, как звала на помощь я. Избирательная у некоторых людей глухота, что тут

скажешь. Ну а справку о болезни ничего не стоит купить – тоже мне новости. А у меня тётя и маленький Миррен, будущее которого меня заботит больше, чем своё собственное. Могут ли я одним махом лишиться их всего, о чём они мечтают и к чему стремятся?

– Хорошо, – скрепя сердце, согласилась я. – Если ваша просьба не касается моей чести и здоровья, я согласна. Где подписать?

– Сразу бы так, – с явным облегчением произнёс ректор, – подписывать ничего не нужно.

– Много о себе мните, милочка, – отворачивая свой длинный нос, продребезжал Нокс. – Не в вашем положении что-либо требовать.

– Подойдите, – велел вампир и открыл верхний ящик обитого алым бархатом стола.

Я догадывалась, что за этим последует, и предпочла бы поставить подпись, но раз уж согласилась, глупо идти на пятую.

Вампир водрузил на стол некое подобие телефонного аппарата устаревшей модели. Щёлкнул рычажком и в полу открылся круглый люк. Всего одна ступенька вела к пентаграмме, начерченной прямо на земле.

– Становитесь сюда, – последовал очередной приказ.

Я сделала так, как мне велели, и, старательно держа лицо, протянула правую руку. Вампир собственноручно поднял крышку инкрустированной драгоценными камнями шкатулки.

ки, где на маленькой подушечке покоились прелестные женские часики из сплава ртутного металла и адамантия. Одно короткое заклинание – и браслет обвил моё запястье. Вонзился в кожу, вызывая зудящий ожог и резкий отток магии к ногам и оттуда – прямо в землю. Пентаграмма вспыхнула насыщенным зелёным пламенем с красноватыми прожилками. Язычки пламени лизнули носки берцев и с шипением погасли. Моя же голова сделалась вдруг совершенно пустой, тело обмякло, как будто вместе с магией из него выкачали добрую половину крови, но на ногах я устояла.

Стрелки на часах начали свой бег.

– Согласно статье одиннадцать дробь три Устава Хендфордской академии вы, кадет Фостер, за причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности лишаетесь части своих магических сил на время, оговоренное комиссией в составе главы попечительского совета и действующего ректора академии в моём лице, – слышалось сквозь звон в ушах. – И пусть могущественные боги наших предков и Великий Магистр четырёх стихий станут тому свидетелями! Силы будут возвращены вам в обмен на безукоризненное выполнение задания, о котором обязуемся сообщить позже. Держите рот на замке, кадет Фостер, это в ваших же интересах. А теперь ступайте.

– И будьте благодарны за то, что отделались так легко! – каркнул Нокс.

На ватных ногах, не сказав ни слова, я поплелась прочь.

Мисс Хавьер сунула какую-то папку мне в руки, но я словно потерялась во времени и пространстве. Магии я совершенно не чувствовала, в мыслях было совсем тоскливо и только каким-то чудом жизненно важные системы организма продолжали функционировать, обеспечивая свою непутёвую хозяйку кислородом и маломальским ориентированием на местности.

Пришла в себя лишь оказавшись на морозном воздухе. Окинула взглядом здание из казённого серого кирпича, где проучилась три с половиной года. В лучах полуденного солнца снег переливался розовато-оранжевыми тонами. Снегири облюбовали кусты рябины, растущей под окнами читального зала. У крыльца, ведущего во второй корпус, красовались снежные фигурки оленей и медведей – результат недавних упражнений в магии снега и льда. Мы с друзьями в тот вечер отлично повеселились, а на следующий день, когда добрая половина кадетов разъехалась на зимние каникулы, случилась эта дурацкая история с Ирвином Ноксом. И... это что же получается, я уеду, а Брайс останется? Сердце совершило резкий скачок, и я, проглотив застрявший в горле комок, заторопилась в сторону мужского кампуса.

Но Брайса на месте не оказалось и мне пришлось топать к себе.

Там меня ждала Рейна Кавано, с которой я делила комнату с самого первого дня учёбы.

– Твоё имя в списке кадетов, отобранных для Академии

Балленхейда, – припечатала Рейна, словно обвинительный приговор зачитывала. – И ты мне ничего не сказала!

– Если б я знала, тебе бы первой сказала, – ответила я. – Я только что от ректора – там меня и огорошили новостью.

– Ну-ну. – Подруга скрестила руки на груди и прищурилась – не верила. – Очередная привилегия для жителей Альверии. Как, оказывается, выгодно родиться на Третьем Континенте! Несправедливо по отношению к тем, кто имеет гражданство Тройственного Союза, не находишь?

– Так может сказать только тот, кто никогда не видел гончих вживую, – выдавила я, чувствуя, как к горлу снова подкапывает противный ком, а в ушах слышится отдалённый звон, так напоминающий колокольчики на ошейниках адских гончих. С тех пор, как я слышала этот звон наяву, прошло шесть лет, а я до сих пор помню каждый его оттенок.

– Прости, – смягчилась подруга. – Я не хотела тебя обидеть. Случайно вырвалось.

– Проехали.

– Помочь тебе с вещами?

– Нет, спасибо. У меня и вещей почти нет. Все в рюкзак поместятся.

– Пиши мне, ладно?

– И ты мне.

– Договорились.

– Могу передать письма родным. Если хочешь, конечно.

– О нет, я уже отправила домой новогоднюю открытку.

Кстати, из нашей группы едут Беккет, Карсон и Флинт. И ещё трое бытовиков со второго курса.

При упоминании Брайса Беккета настроение взлетело стремящейся в небо птицей. Брайс, как и я, родом из Альверии – Третьего Континента, входящего в состав Тройственного Союза. Сотни лет наши земли находились под властью эльвов и только совсем недавно, каких-то шесть лет назад, континент полностью очистили от захватчиков, после чего освобождённые земли вошли в состав Союза – уже не двух, а трёх континентов. Однако гражданство жителям Альверии давать не спешили. Сперва нужно доказать, что ты достоин стать полноправным гражданином Союза Трёх Континентов и чуть ли не единственной возможностью для этого была служба в легионе и участие в освободительной кампании на Четвёртом Континенте – Аластурии, где всё ещё господствовали эльвы. Несмотря на то, что мы с Брайсом прошли самый сложный отбор в Хендфорд, каждый божий день на протяжении первого и второго курса нам приходилось доказывать, что мы достойны здесь учиться. С нас и спрашивали больше, и наказывали строже, но это лишь закалило нас. Рейна называет нас «привилегированной кастой» за возможность учиться в одной из лучших академий Первого Континента – Балленхейде. Но ей, родившейся в свободной Ла Риоре и видевшей эльвов только на картинках, никогда не понять наших чувств. Винить её за это было бы глупо. В конце концов, у меня не так много друзей, чтобы ими разбрасываться.

– А это у тебя что? Подарок? – поинтересовалась Рейна, заметив часы у меня на руке. – Ух ты и скрытная, Фостер! Колись, кто он?

– Прислали из дома, – солгала я.

– Ври больше, – не поверила она. – Часы явно очень дорогие.

– Тётя Эмили получила повышение, вот и подарок мне к Новому году.

– Не хочешь говорить – не надо. Но всё равно обидно.

– Прости. Но это чистая правда. У меня никого нет, кроме тебя и этого прохудившегося кителя, который я вскоре сменяю на китель Балленхейда.

– Удачи, подружка. И пусть в тебя влюбится самый противный кадет на курсе!

– Взаимно, дорогая.

– А вообще, я рада, что ты побываешь у меня на родине. – Рейна шмыгнула носом. – Непременно посети Золотой дворец, Центральный ботанический сад, арену для боя быков и археологический музей.

– Археологический музей – в первую очередь, – фыркнула я.

Мы обнялись на прощание. Рейна рыдала навзрыд. У меня тоже глаза были на мокром месте, но и дальше оставаться в Хендфорде было выше моих сил.

Глава 2. А если моя родная стихия – вовсе не земля?

Тишина давит на барабанные перепонки. Тьма и неопределённость пугают до тошноты. Руками и ногами не пошевелить – они надёжно закреплены, а сама я подвешена в воздухе в позе звезды. Сердцебиение зашкаливает, кажется, тысячи сердец бьются в каждой мышце и каждой клеточке. Как я ни силюсь вытолкнуть изо рта кляп, у меня ничегошеньки не получается. Пытаюсь барахтаться, но верёвки лишь туже впиваются в запястья и щиколотки. Паника достигает пика, в груди нестерпимо жжёт и я молюсь про себя о скорейшем конце. И, когда тот не приходит, я, совершенно обессилев от страха, чувствую, что вот-вот потеряю сознание. Тогда-то и вспыхивает огонь – ослепительный, яростный, очищающий...

Это давнее и практически стёртое из памяти воспоминание из детства воскресает всякий раз, когда я нахожусь между жизнью и смертью. Справедливости ради нужно отметить, что в подобном состоянии я нахожусь не часто. Например, когда меня одолевает морская болезнь – а иначе в Ла Риору не попадёшь.

Утро или вечер – неизвестно. Всё слилось в бесконечных

розовато-серых сумерках. Спроси кто, сколько я здесь пролежала, я бы ответила, что целую вечность, хотя, если учесть, что официант заходил в мою каюту только один раз, значит, время обеда ещё не настало. Да и Брайс бы не оставил меня надолго одну.

А вот и он! Сквозь шум бьющих о борт волн я различила наш условный с Брайсом стук – два длинных, три коротких.

После моего вялого «да» в каюту заглянул высокий крепкий блондин с такими широкими плечами, что едва поместился в пространстве два на полтора.

– Элла, не спишь? Как дела?

– Не спится. Заходи. – Я изо всех сил старалась выглядеть живой, но друг сразу меня раскусил.

– Совсем плохо, да? – сочувственно произнёс он и присел на край койки. Взял меня за руку. По сравнению с моей, безжизненной и ледяной, его ладонь ощущалась жаркой как печка.

– Вода – не моя стихия, ты же знаешь, – попыталась пошутить я.

– Позвать целителя?

– Уже приходил.

– Что за целитель? Кому уши пообрывать?

Я изобразила подобие улыбки и получше присмотрелась к Брайсу. Выглядел он вполне здоровым несмотря на то, что вода с его огненной стихией тоже не особо-то дружит.

– Сам-то как? Смотрю, водичка огонь не потушила?

– Куда ей до меня! – рассмеялся Брайс. – На самом деле моя последняя девушка – магичка воды – научила меня кое-каким штучкам.

– И кто же она? – поинтересовалась я. – Кайли Портман? Или Френни Майерс?

– Почему тебя интересуют мои любовные победы, а не реальные заклинания, облегчающие морскую болезнь? – прищурился Брайс. – А! Понял! Ты ревнуешь! Святые Альверии, неужели Элла Фостер в меня влюблена?

– Ха-ха-ха. Очень смешно, Брайс. – Я попыталась выдержать свою ладонь из его хватки и у меня почти получилось.

– Прости, Одуванчик. Просто хотел вдохнуть в тебя немного жизни. Говорят, смех её продлевает.

– Кажется, в моём случае бессилён даже смех.

– Не прибеждайся. Пульс прощупывается, речь вполне осмысленна. А кожа не настолько зелёная, чтобы бить тревогу. Жить будешь.

– Хотелось бы тебе верить.

– А когда я тебя подводил?

– Честно? М-м-м... Дай подумать.

– Эй, так не пойдёт! Или ты признаешь, что я – самый лучший друг на свете, или...

– Никогда.

– В смысле?

– Никогда не подводил, Брайс. Ты – мой самый лучший друг. Даже больше, чем друг. Ты тот самый старший брат, о

котором можно только мечтать. Ты всегда поддерживаешь, помогаешь, вдохновляешь. И я очень благодарна тебе за это.

– Я сейчас расплачусь. Честно.

– Как же! Брайс Беккет скорее лишит себя магии и сгорит в адском пламени, чем выдавит солёную каплю из уголка глаза. А вообще, я бы хотела на это взглянуть.

– Если это входит в список твоих заветных желаний, я подумаю, как это сделать без ущерба для самолюбия.

Когда мы устали смеяться и подкалывать друг друга, Брайс уселся поудобнее, прислонился спиной к перегородке, вытянул свои длинные ноги и протяжно вздохнул. Мне всегда нравилось смотреть, как при этом трепещут его длинные ресницы.

– Любуешься? – поддел он.

– Пф! Никогда не считала тебя красавчиком. Ничего личного, ладно?

– Хочешь, открою один секрет?

– Только один?

– Пока только один.

– Валяй.

– Я всегда мечтал побывать в Ла Риоре. Не просто побывать – стать полноправным её гражданином. Хотел поступать в Балленхейд.

– Почему же поступал в Хендфорд?

– Потому что туда поступала ты, Одуванчик.

– Да брось, Брайс. Перестань мне льстить и научись пода-

вать правду как положено.

– Кто бы говорил!

На мгновение мне показалось, что Брайсу известно о случае с Ноксом. Я поклялась никому об этом не рассказывать и, если честно, Брайс был бы последним, кто бы узнал правду. Потому что меньше всего мне хотелось, чтобы из-за меня пострадал друг. А уж в том, что он отомстил бы за меня Ноксу, я нисколько не сомневалась.

Но он не знал. И я нашла в себе силы продолжить:

– Пусть в Балленхейде вступительные экзамены намного сложнее, чем в Хендфорде, ты бы поступил. Я уверена. Нужно было попробовать! А я бы как-нибудь пережила разлуку с тобой.

– Я бы не пережил.

Брайс скорчил такую потешную рожицу, что я не удержалась и прыснула со смеху. А он стал меня щекотать. Негодник! Знает ведь, что я ужасно боюсь щекотки!

Наверное, со стороны можно было подумать, будто мы питаем друг к другу романтические чувства, но на самом деле это не так. Мы с Брайсом познакомились одиннадцать лет назад. Розуэлл-Файр – город, в котором я родилась – несколько раз переходил от эльвов к людям и наоборот. Когда город сожгли дотла, многие жители подались на юг. Некоторые, в том числе и я с тётей и младшим братом, остались в поселении ферджинианцев. Люди из этой общины вели простой образ жизни и отвергали любое проявление силы. Бек-

кеты были первыми, кто принёс погорельцам тёплые вещи, еду и питьевую воду несмотря на то, что сами жили впроголодь. Так мы с Брайсом и подружились. Вместе мы прятались от адских гончих и выхаживали раненых бойцов сопротивления. Вместе трудились на фермерских полях, обеспечивая семьи каким-никаким пропитанием. Вместе практиковались в бытовой и стихийной магии. Знали друг о друге всю подноготную. А когда Брайс объявил матери и братьям, что собирается поступать в военную академию, те от него отказались и его изгнали из общины. Никого, кроме меня, у него не осталось. Иными словами, мы считали друг друга больше, нежели братом и сестрой. Чувства были, но совсем не те, которые Брайс испытывает к своим многочисленным пассиям, да и у меня никогда не возникало желания поцеловать его в губы, а это, как утверждает Рейна, первый признак влюблённости. Не могу сказать, насколько верно её определение (ибо тётя Эмили считает иначе), поскольку я до сих пор не влюблялась. Как-то не до того было. Я планировала окончить академию, проявить себя в бою с эльвами, получить гражданство и купить тёте и брату домик на берегу океана.

Наконец, вняв моим просьбам, Брайс прекратил. Замер, вытянувшись надо мной на вздувшихся мышцами руках.

– Честно, Одуванчик, когда Бренда сказала, что я попал в программу по обмену студентами, то первым делом отправился к вампиру с требованием остаться в Хендфорде. – Он нахмурился, заметив часы на моём запястье. – Это что за

хрень?

Я поспешно натянула рукав.

Ну почему всех так интересует, откуда у меня взялись эти чёртовы часы?!

– Да так. Подарок.

– От кого? От Нокса? Уломал всё-таки?

– Дурак, что ли? – вспылила я. – Это прощальный подарок от Рейны.

Я понимала, что рано или поздно пожалею о своём вранье, но Брайс, прекрасно осведомлённый о жизненных реалиях альверийцев, никогда бы не поверил, что часы подарила тётя. Ей, бедной, пришлось бы пахать на них лет эдак двести.

– Часы очень дорогие. И совершенно новые. Рейна не стала бы так тратить даже ради тебя. Прости, Одуванчик, но это так.

– Ты плохо её знаешь! – гнула свою линию я. – Мы лучшие подруги. Знаю, мне не стоило принимать подарок, но она настаивала. Я тоже в долгу не осталась.

– И когда вы успели прошвырнуться по магазинам?

– Когда тебя не было в академии.

В этот момент корабль сильно качнуло и Брайса отбросило в сторону. Лампа под потолком потухла и каюта погрузилась в лиловый полумрак.

– Ты не ушиблась? – беспокоился парень, усаживаясь у меня в ногах.

– Я в порядке. Ты как?

– Знаешь, чему меня научила Бренда? – неестественно глухим голосом спросил он.

– Кто такая Бренда?

– Мисс Хавьер. В ночь перед отъездом я был у неё. Из-за меня она даже опоздала на работу.

– Мисс Хавьер? – опешила я. – У тебя роман с секретаршей вампира? Боже, Брайс! Как ты мог?!

– А что тут такого? Она не мой преподаватель. Устав не нарушен.

– Фактически нет, но для меня это мерзко и неестественно.

– Она далеко не стерва, как может показаться на первый взгляд, а очень даже милая и добрая девушка.

– Я знаю её три с половиной года и за это время она не проявила по отношению ко мне ни капли добра.

– Иногда я понять не могу, как мы могли подружиться, если мы такие разные?

– Как земля и огонь, да?

– Кстати, о стихиях. Перед отъездом Бренда всучила мне флакон с заговорённой морской водой. Вот он. Не знаю, поможет ли. Во всяком случае, я ни одного симптома морской болезни до сих пор не ощутил.

– Дорогой мой Брайс! – растрогалась я. – Спасибо тебе. Ты чудо, и я не устану это повторять.

– Слышала, что частички магии передаются при поцелуях? Так вот, это истинная правда. Так что, если тебе очень

надо, я рядом.

– Очень мило с твоей стороны, но мне пока не нужен огонь.

– Точно. Прости. Тебе вода бы не помешала, но чего нет, того нет.

– Увы.

– Если что, Карсон и Флинт в десятой каюте.

– Спасибо, но я предпочту обнять тазик, чем кого-то из них.

– Вот же загадку ты мне загадала!..

– О чём ты?

– Я тебя прекрасно знаю, Элла. Нокса ты бы и на милую не подпустила.

– Всё гадаешь, от кого подарок?

– Подозреваю, что это не моё дело, но...

– Но?

– Если тебе нужна помощь, только намекни.

– Ну почему ты такой невозможно положительный?

Я ожидала, что Брайс, как обычно, превратит всё в шутку, но он оставался предельно серьёзным.

– Флакон оставь себе, – сказал он. – Можешь использовать воду в нём как духи.

Я последовала совету друга. Действительно, не прошло и пяти минут, как мне полегчало. Головокружение поутихло, тошнота отступила.

– Работает! – обрадовался Брайс. – К тебе вернулся румя-

нец.

– Спасибо, Брайс. Что бы я без тебя делала?

– Поправляйся, Одуванчик. – Он заправил выбившуюся прядь мне за ухо, как-то странно посмотрел на мои губы, торопливо попрощался и вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

То ли заговорённая морская вода помогла, то ли судовой лекарь, но я потихоньку поправлялась и уже на третий день плавания рискнула выйти на палубу.

Погода радовала. Море не штормило и невысокие синие-зелёные волны бились о борт корабля. Пассажиров было немного, все желающие встретить Новый год в тёплых краях отправились в плавание ещё две недели назад – ровно столько требуется, чтобы доплыть из Фелильи до Ла Риоры. Мои товарищи по Академии Хендфорда наперебой бросились поздравлять меня с возвращением, а Брайс на радостях поднял меня и закружил, но, видно, почувствовав, что мой вестибулярный аппарат снова начинает барахлить, вернул обратно на палубу.

И вновь мы, как в детстве, много времени проводили вместе. Болтали, смеялись, строили планы на будущее и перезнакомились со всеми пассажирами и членами экипажа. Упражняться в магии на борту было строго запрещено, поэтому мы стали завсегдатаями кинозала, бильярдной и библиотеки. О Ноксе я старалась не думать и начала понемногу отпускать ситуацию, погружаясь в мечты, связанные с пред-

стоящей учёбой в Академии Балленхейда и службой в легионе. Неугомонный Брайс уже мечтал о южных красотах Первого Континента и попытался было завязать знакомство с одной из пассажирок, но у той оказался ревнивый жених, и он переключился на горничных и официанток. Впрочем, не думаю, что Брайсу что-то перепало, потому что с самого утра и до позднего вечера мы практически не разлучались, а по утрам друг выглядел вполне отдохнувшим.

С каждым днём становилось всё теплее и наши зимние куртки, в которых мы зашли на борт «Принцессы Фелиции», стали не нужны вовсе, а когда мы добрались до экватора, команда устроила нам настоящий праздник с песнями, танцами, обливанием водой и шикарным фейерверком. Праздник экватора плавно перешёл в празднование Нового года, и так, в веселье и ничегонеделании, и прошли две недели нашего путешествия по морским просторам.

На пятнадцатый день на палубе, несмотря на палящее солнце, царило оживление – каждый намеревался первым разглядеть на горизонте долгожданную землю, хотя, по моим подсчётам, до Ла Риоры оставалось не менее десяти часов пути. Тем не менее, я не могла толком сосредоточиться на книге, которую взяла в библиотеке, то и дело поглядывая в ту точку, где соприкасались небо и земля – не покажутся ли скалистые берега легендарного Первого Континента?

– Что читаешь? – послышался за плечом голос Брайса. – «Созидающая магия огня: практическое руководство»? Хо-

чешь узнать меня лучше?

– Напугал!.. – проворчала я, заправляя непослушную прядь за ухо.

– Прими этот чудный коктейль в качестве моих извинений. – Друг протянул мне стакан и пристроился на соседнем шезлонге.

– Спасибо.

– Капитан говорит, вот-вот покажется земля.

– Да? Я думала, мы прибудем на континент поздно вечером.

– Мы идём с опережением.

– Здорово! Как же не терпится ступить на плоскость, которая не качается под тобой, точно припадочная!

– Мне тоже.

Брайс задумался, потягивая коктейль через трубочку. Кажется, за две недели тесного общения мы могли бы смертельно надоесть друг другу, но на самом деле у меня имелась куча тем, нуждающихся в обсуждении. Думаю, у Брайса тоже.

– М-м-м, как вкусно!.. – протянула я, попробовав прохладный цитрусовый напиток.

– Наслаждайся, – улыбнулся друг.

Солёный ветер трепал мои белокурые волосы, из-за них, собственно, Брайс и назвал меня Одуванчиком. Мне не то чтобы нравилось это прозвище, но в устах друга оно звучало по-особенному мило, поэтому я ничего не имела против.

Какое-то время я с жадным нетерпением вглядывалась в горизонт, пока морская рябь вновь не вызвала головокружение. Я отвернулась, повертела книгу в руках и, более не пытаясь вникнуть в смысл текста, подняла тему, которая давно меня волновала:

– Не сочти меня суеверной, но, если представить на минутку, что в одном человеке могут соединиться все четыре магические стихии...

– Тогда древнее пророчество сбудется и многовековое противостояние с эльвами закончится, – продолжил мою мысль друг.

– Было бы здорово.

– Ты так вздыхаешь, будто ни на миг не допускаешь такой возможности.

– Если не принимать во внимание утопическую версию о воссоединении континентов, теоретически это возможно, однако на практике все попытки воплотить четыре стихии в одном человеке провалились. Мы знаем по меньшей мере о двенадцати неудачных попытках, проводившихся за последнее десятилетие в одной только Альверии, а сколько их было на самом деле? Таких, где люди положили свои жизни на жертвенный алтарь науки? А таких, где у людей не спрашивали, хотят ли они того или нет? Сколько? Пятьдесят? Сто? Тысяча? Или намного больше?..

– Давай о хорошем, – предложил Брайс и бросил взгляд на книгу, покоившуюся у меня на коленях. – Узнала что-то

новенькое?

– Нет, но книга навела на интересные мысли.

– Поделишься?

– Даже не знаю, с чего начать.

– С самого начала.

– Легко сказать. Но я попробую. – Я чуть помедлила, собираясь с мыслями, и начала издали: – Наверное, я не удивлю тебя, если скажу, что в море я практически не чувствую в себе магических сил.

И это я ещё скрыла тот факт, что значительную их часть отобрал вампир, связав меня обязательством!

– Понимаю, – кивнул Брайс, – из меня тоже будто все соки выжали. А Карсон и Флинт, наоборот, чувствуют себя королями жизни.

Я проследила за направлением его взгляда. Друг прав. Морская стихия благоприятствовала магам, чьей врождённой силой была вода. Вон тщедушный заучка Карсон, красуясь перед девушками, ходит на руках. Я и не помню, когда в последний раз видела его в очках, кажется, за время морского путешествия он научился обходиться без них. А тестостероновый тугодум Флинт неожиданно прослыл на корабле интеллектуалом. А ведь на экзаменах по теории он едва набирал минимальный балл!

– А тебя, мой дорогой, не берёт огонь, – констатировала я.

Брайс завёл было свою шарманку о том, что магический потенциал у всех разный и не стоит по этому поводу отчаи-

ваться.

– Нет, Брайс, – покачала головой я, – сил моих не прибавится, хоть ты в землю меня зарой. Я вот часто вспоминаю один свой сон... То есть я толком и сказать не могу, сон ли это или давно забытое воспоминание из детства.

– Какое же?

Мне показалось, Брайс напрягся, но, быть может, это оттого, что рядом громко рассмеялся ребёнок.

– Огонь. Он был везде, а я крепко привязана, никак не убежать. А главное, этот огонь не тронул меня, не причинил абсолютно никакого вреда. Почему, как ты думаешь?

– Огонь не несёт опасности в двух случаях: либо ты маг огня – а мы оба знаем, что это не так, – либо огонь этот используется в определённых ритуалах, – проговорил Брайс. – Но, постой, ты же не хочешь сказать, будто когда-то давно стала жертвой тёмного колдовства? Быть такого не может!

– Почему ты так категоричен?

– Ну, во-первых, эльвам человеческая магия без надобности, а во-вторых, мы живём в цивилизованном мире, где ритуалы над детьми запрещены. Да, в тяжёлые времена люди часто нарушают законы, однако такие случаи единичны. Кому придёт в голову отбирать у тебя магию земли, если в Альверии большинство магов – именно землевики? Ну нет, Элла, прости, конечно, но тебе это просто приснилось.

– Сам посуди, маг земли из меня, мягко говоря, посредственный, и не надо убеждать меня в обратном. Там, где той

же Рейне на усвоение нового заклинания хватало двух-трёх повторений, мне требовалось в десять раз больше, и я всегда выезжала исключительно на упорстве и трудолюбии. Сечёшь, к чему я веду?

– Нет-нет-нет, – покачал головой друг, – ты перегибаешь. Это просто-напросто побочный эффект чуждой стихии. Уверен, когда ты ступишь на землю, силы к тебе вернутся и ты сама посмеёшься над сегодняшними выводами.

– Возможно. Но если предположить, что в детстве я всё-таки стала жертвой запрещенного колдовства и моя родная стихия – вовсе не земля?

Последнее сказанное мной слово неожиданно слилось с чьим-то сорвавшимся на фальцет криком:

– Земля! Земля!

Одиночный возглас подхватили десятки голосов, и мы с Брайсом, разорвав напряженный зрительный контакт, присоединились ко всеобщему веселью.

Сперва на горизонте виднелась всего лишь серая точка – мыс Торильяк, но вскоре точка увеличилась и растянулась, превратившись в скалы Первого Континента. На возвышенности раскинулся красивый портовый город с высокими церковными башнями, с выбеленными стенами домов под красно-оранжевыми крышами и с зеленью экзотических растений. Над всем этим великолепием, утонув вершиной в шапке белоснежных облаков, торчал спящий вулкан Эрта Далле.

Отлично. Вот и посмотрим, кто прав – Брайс или я.

Глава 3. То ли к нему бежать, то ли от него

Автобус весело подпрыгивал на кочках. Ребята пели под гитару. Заучка Карсон уткнулся в книгу, а Брайс дремал, склонив голову мне на плечо. Я же, любуясь открывающимися из окна пейзажами, прислушивалась к собственным ощущениям – отзывается ли моя магия на полную разнообразия природу Ла Риоры?

Флора и фауна Первого Континента разительно отличались от нашей. В то время, как на Фелилье и Альверии метели, здесь царило жаркое лето. Вместо клёнов и дубов возвышались оплетенные лианами пальмы и прочая субтропическая растительность, на ветвях сидели не хмурые воробы, а пёстрые попугаи. В лесу кто-то выл и стenal, но водитель посоветовал не обращать на это внимания.

Нет, единения с местной природой я не чувствовала. Объяснить это можно, во-первых, тем, что вампир лишил меня значительной части магических сил, во-вторых, оставшуюся часть сдерживает браслет и, в-третьих, для Ла Риоры я пока чужая, нужно время, чтобы установить контакт со здешними субтропиками. Не стоит забывать, что и Фелилья приняла меня далеко не сразу.

Однако в глубине души я понимала, что обманываю саму

себя...

Дорога пошла в гору, петляя меж исполинскими буками и кипарисами, по ветвям которых вился цветущий плющ, когда вдали мелькнули зубчатые замковые стены.

– Замок Балленхейд расположен на самой высокой точке долины Валькорна, где в древние времена находилось каменное городище, – тоном экскурсовода возвестил «четырёхглазый» всезнайка Карсон. – В восьмом веке, опасаясь вторжения эльвов, здесь построили оборонительное сооружение, от которого до наших дней сохранились две башни – Восточная и Западная. Замок в его современном виде является отреставрированной постройкой шестнадцатого века и имеет репутацию неуязвимого благодаря четырём башням из особо прочного камня и единственному входу. Успел послушать королевским дворцом, государственной казной, тюрьмой для особо опасных преступников и мужским монастырём. В настоящее время здесь расположена Академия стихийной магии и обороны Ла Риоры.

– Вызубрил буклет для абитуриентов? – усмехнулся Флинт. – Хорош заливать.

– Уже приехали? – зевнул Брайс.

– Похоже на то, – отозвалась я.

– Добро пожаловать в Академию Балленхейд, – объявил водитель.

Автобус остановился у площадки перед величественным древним сооружением, мощь и красоту которого не способ-

ны передать никакие рекламные буклеты и фотографии. И даже неугомонные птицы смолкли, предоставляя возможность насладиться впечатляющим зрелищем в тишине.

Заходящее солнце освещало массивные, испещренные ядрами стены, придавая им зловещий серо-фиолетовый оттенок. К обитым железом воротам вёл перекинутый через ручей мост. Четыре зубчатые башни взмывали высоко в небо и над каждой из них реяли флаги по цвету стихий: зелёный цвет символизировал землю и всё, что на ней обитает, синий – морскую пучину, голубой – воздух и красный, соответственно, огонь. Башни отбрасывали длинные тени и казалось, если наступишь на них, случится что-то ужасное и непоправимое.

– Идём, Одуванчик, – позвал меня Брайс, и я поняла, что Карсон, Флинт и остальные ребята уже внутри и нам самое время поспешить за ними.

Я бы хотела обойти тень или перепрыгнуть – боги свидетели! – однако иначе в замок было не попасть, да и перед Брайсом неудобно – он и так, верно, считает меня чересчур мнительной и склонной к суевериям.

Но как только я ступила на неосвященный солнцем участок...

Пресвятые боги, мне не послышалось?!

Нет, никогда мне не забыть этого дикого жуткого воя, от которого в буквальном смысле душа рвётся в клочья и стынет в жилах кровь.

– Что это, Брайс? Почему здесь? – залепетала я, повисая у друга на руке и замирая на середине моста. В мутных водах ручья мелькнул шипастый плавник какой-то крупной рыбы.

– Проклятье, – выругался Брайс. – Что она здесь делает? Конечно, мы оба имели в виду вовсе не рыбу.

– Эй, вы чего там зависли? Любуетесь тигровой пираньей? – из-за ворот выглянул кудрявый рыжеволосый парень в форме светло-зелёного цвета. Здесь парням разрешают стричься не по Уставу? – Осторожно, она ядовитая. А вы новенькие, да? Мне велено проводить вас к секретарю Пламфли.

– Новенькие – не новенькие, тебе доложить забыли, – огрызнулся Брайс. Не тянул рыжеволосый на командира, иначе друг не стал бы грубить.

Гончая завyla снова и эхо разнесло эти жуткие звуки, верно, по всей долине Валькорна.

– Проходите, не бойтесь, гончая в клетке под двойной защитой, – зазывал рыжий.

Не оставаться же за воротами, раз приехали.

Со зловещим скрипом врата за нами захлопнулись, отрезая путь к побегу.

– Догоняйте! – помахал один из ушедших вперёд бытовиков.

Внутреннее пространство с ухоженными клумбами и газонами, журчащими фонтанами и экзотическими деревьями могло бы мне понравиться, если бы не отвратительное суще-

ство, помещенное в клетку в самом центре большого прямоугольного двора. Исхудавшее, с потухшими глазами и обломанными рогами, с клочковатой тёмно-серой шерстью и покрытыми узловатыми рубцами ногами, оно представляло собой пародию на тех гончих, которые наводили ужас на жителей Альверии. Тем не менее, это была именно адская гончая.

– Её зовут Дотти, – представил рыжеволосый кадет, шагавший рядом, – привезена сержантом Фултоном из самой Альверии. Там, говорят, то ещё пекло было.

– Напомни, как тебя зовут? – лениво отозвался Брайс.

– А я не представился? – спохватился рыжий. – Прошу прощения. Глава студенческой редколлегии Долан Морган к вашим услугам.

Ребята представились по очереди и Морган вновь завладел всеобщим вниманием.

– Вы из Хендфорда, да? Как добрались? Нормально? Не мучила морская болезнь? Я вот однажды отправился с друзьями в морской круиз, так всего за пару часов раз сто пожалел об этом и никогда прежде так не радовался возвращению на родную землю.

Как это знакомо!..

– Пламфли распределит вас по группам и выдаст всё необходимое, – трещал рыжий. – На каком факультете собираетесь учиться?

Из-за воя адской гончей и безудержной болтовни Моргана у меня ужасно разболелась голова и я предпочитала молчать,

несмотря на то, что рыжий явно обращался ко мне. У них что, дефицит девушек?

– Мы боевые маги, – ответил за меня Брайс.

– И вы, мисс?

Морган с таким неподдельным интересом заглядывал мне в лицо, что пришлось ответить:

– И я.

– Выпускной курс, правильно? – чему-то обрадовался он. – Значит, будем учиться вместе. Было бы здорово, если бы вы попали в мою группу. Если что, я из «Центавра». Вы какой магией владеете, если не секрет?

– Не секрет, – ответил Карсон. – Фостер – земля, Беккет – огонь, а мы с Флинтотом – вода.

– Значит, никто из вас не владеет магией воздуха? – огорчился Морган.

– Да будет вам известно, что даром воздушной магии наделены лишь десять процентов граждан Тройственного Союза, – выпятил свою эрудицию Карсон и, с опозданием уразумев, что допустил оплошность, виновато поморгал и на всякий случай отошёл от Брайса подальше. – Скажите, пожалуйста, какова вероятность того, что среди них окажутся кадеты Академии Балленхейд?

– Очень даже велика, – ответил рыжий. – Командир «Гидры», например, владеет магией воздуха и воды.

Флинт присвистнул, а Карсон крякнул и поправил очки. В Хендфорде не насчитывалось не то что ни одного кадета,

владеющего двумя стихиями одновременно, но и ни одного преподавателя. Да и вампир, собственно, непонятно какой стихией управлял, о нём знали одно – уж точно не стихией огня. А тут нам прямо с порога сообщают и о пленённой гончей, и об уникальных кадрах. Иными словами, лучшей военной академией Первого Континента Балленхейд назван не просто так.

Тем временем мы пересекли нижний двор и очутились на дорожке, с обеих сторон окаймлённой шипастыми растениями, плотоядно пощёлкивающими ловушками размером с две вытянутые ладони. Один из бытовиков, желая подразнить хищное растение, сунул палец между зубастыми пластинами, за что тут же поплатился и, размахивая окровавленной конечностью, с визгом отскочил и напоролся на такой же цветок, но уже пятой точкой. Флинт невоспитанно расхохотался, второй бытовик попытался его пристыдить и был бесцеремонно послан в весёлое плотское путешествие.

– Пожалуйста, осторожнее! – взывал Морган. – Дионея занесена в Книгу редчайших растений Ла Риоры и имеет особый статус. Колдовать рядом с ней запрещено, как и желать ей зла или трогать руками. Дежурные пять раз в день кормят её вредными насекомыми и окучивают землю для стимуляции роста растения.

– Она не ядовита? – опасливо покосившись на хищную дионею, поинтересовался коренастый парень-бытовик.

– Нет, ни капли, – поспешил ответить Морган. – Но очень

своенравна. Прошу сюда.

Поднявшись по мраморной лестнице, мы оказались в продолговатом холле. Второй этаж опоясывала открытая галерея, высокие потолки покрывала позолоченная роспись, а многочисленные колонны пестрели от обилия афиш, объявлений, расписаний, карт и прочего.

– Объявляется конкурс красоты. – Брайс ткнул пальцем в одно из объявлений. – Тебе обязательно нужно поучаствовать, Одуванчик.

– Не называй меня так при всех, – шикнула я, толкнув его локтем в бок. И добавила: – Пожалуйста.

– Как скажешь, – пожал плечом друг.

Интерьеры замка поистине впечатляли, но больше всего нас заинтересовал золотой кубок, стоявший посреди холла на постаменте и защищенный прозрачной сферой. От него исходило сверкающее сияние, а драгоценные камни, которыми была усыпана чаша и основание, символизировали цвета четырёх основных магических стихий.

– Перед вами кубок четырёх стихий, – возгласил Морган. – Считается, что его изготовили ещё тысячу лет назад по заказу Исидора Эрнандеса – первого магистра тогдашнего Союза Двух Континентов. С его помощью намеревались соединить все четыре вида магии и подселить к одному человеку, короче, творили жуткую дичь. Хорошо, что сейчас таким никто не занимается. Уже много лет кубок используется в качестве высшей награды, которую получает лучшая академия

Тройственного Союза на ежегодном смотре высших учебных заведений. Наша академия выигрывает её уже четвёртый год подряд.

– Семь лет назад кубок четырёх стихий стоял в Академии Хендфорда, – ввернул Карсон.

– Этой зимой пройдут юбилейные игры среди академий за кубок четырёх стихий, – продолжал наш гид, – и мы снова надеемся в них выиграть.

– Раз уж мы здесь, поможем вам в этом непростом деле, – снисходительно протянул Флинт.

– Вам сюда, – пригласил Морган, открывая двустворчатую дверь с табличкой «Секретарь Рамос Пламфли. Обращаться по всем организационным вопросам и не только».

Не удостоив взглядом назойливого Моргана, я прошла в кабинет. За мной подтянулись и остальные.

Секретарь Пламфли оказался высоким сухощавым мужчиной средних лет с иссиня-чёрными волосами и тонкими «гангстерскими» усиками над верхней губой. Одет он был в щеголеватый тёмно-серый костюм в тонкую белую полоску. При нашем появлении оставил печатную машинку в покое, поднялся из-за стола и радушно приветствовал нас в Академии Балленхейд. Мисс Хавьер стоило бы поучиться у него манерам.

– Надеюсь, вам у нас понравится, – говорил он. – Вы уже успели осмотреть город, в честь которого академия получила своё неофициальное название? Как, проехали транзитом

и даже не остановились у археологического музея? Очень жаль, но, уверен, в ближайшие выходные ваши новые друзья с удовольствием проведут экскурсию.

– Как же дотерпеть до выходных? – скептически проговорил Флинт.

Пламбли прочистил горло и перешёл к сути:

– Итак, наша академия представлена следующими факультетами: военно-магической разведки, боевой магии, связи и радиотехнического обеспечения, военной медицины, бытовой магии, инженерным и командным факультетами. Вас какой интересует? Наверное, факультет военной медицины?

И он уставился на меня.

– Факультет боевой магии, сэр, – отчеканила я.

– Э-э-э, – замялся секретарь, – простите, возможно, я неправильно понял... Или произошла какая-то ошибка... Позвольте, как ваша фамилия?

– Кадет Элла Фостер, – представилась я.

Пламбли заглянул в свои бумаги.

– В рамках программы академической мобильности, – забормотал он, – Хендфордская академия боевой магии и межконтинентальной безопасности направляет... Факультет боевой магии... Следующих кадетов: Нормана Гроувза, Грейди Карсона, Адама Крейтона, Тайрона Флинта...

– Прошу прощения, мистер Пламбли, – вмешался Брайс, – это устаревшая информация. В последний момент произо-

шла замена и вместо Гроувза и Крейтона назначение получили Беккет и Фостер. Вот наши документы. Прошу.

– Ну что ж, – выдохнул секретарь. – Надеюсь, всё обойдётся.

– Что вы имеете в виду, мистер Пламфли? – осведомилась я.

– На факультете боевых магов испокон веков учились исключительно представители сильного пола, – ответил он. – Но я в любом случае желаю вам удачи, мисс Фостер.

– Кадет Фостер, сэр, – поправила я. – И, позвольте, мой пол вовсе не слабый.

– Как скажете, – галантно склонил голову он. – Исполняющий обязанности декана факультета боевой магии – профессор Прингл, куратор четвёртого курса – сержант Фултон, вы с ним скоро познакомитесь. Кадеты распределены по группам таким образом, что в каждой имеются, если можно так выразиться, представители всех четырёх стихий в двойном экземпляре. Хотя воздуха, конечно, не хватает, но у нас учится пять воздушников, а это, учитывая их катастрофическую нехватку по всей стране, уже достижение.

– Вот освободим Аластурию, где воздушников большинство, и настанет в Тройственном Союзе магический баланс, – ввернул Флинт.

– В Хендфорде училось всего двое воздушников – Корин Найтли и Дэвид Милберн, – с гордостью проговорил Карсон, как будто сам взрастил этих боевиков.

Пламфли выдавил любезную улыбку и продолжил:

– На данный момент на выпускном курсе боевиков насчитывается четыре группы, названные в честь основных созвездий южного полушария: «Хамелеон», «Центавр», «Феникс» и «Гидра» и каждую возглавляет свой командир.

– Пожалуйста, нас с кадетом Фостер запишите в одну группу, – брякнул Брайс.

Пламфли окинул нас таким взглядом, будто бы в мыслях уже обвенчал и благословил наших многочисленных детей. Мне стало смешно, но бесцеремонный Флинт, естественно, не сумел промолчать:

– Нет, они не пара, как можно подумать, а разделённые в детстве близнецы.

И тут же получил от Брайса тычок в плечо.

– Что ж, я запишу вас обоих в «Гидру», поскольку из-за программы обмена студентов она оказалась самой неукомплектованной из всех, – решил Пламфли. – И вас, кадет... м-м... Карсон, тоже. А вы, кадет Флинт, пополните славные ряды «Феникса».

Снабдив нас целым ворохом бумаг и пожеланий, секретарь отправил нас искать своих командиров и занялся распределением бытовиков.

Покинув приёмную, мы вчетвером, не сговариваясь, ударили друг друга по рукам.

– У нас всё получится, друзья, – весело сказал Брайс.

– Докажем «Фениксам» и «Гидрам», что хендфордцы не

в капусте подобраны, – подхватил Флинт.

– Мы теперь тоже кадеты Академии Балленхейда, – возразил дотошный Карсон, – и ты, Флинт, вызвался помочь завоевать Балленхейду кубок.

– Глубоко вам сочувствую, – закатил глаза Флинт. – Чао, пойду поищу «Фениксов».

– Удачи, – пожелала я.

– Вас проводить? – выскочил из-за колонны Морган.

– Нет, спасибо, – поспешила откреститься я, – нам подробно объяснили, куда идти.

– Тогда я подожду ваших друзей, – с явным сожалением отозвался тот.

Проводив взглядом удаляющуюся спину Моргана, мы с Брайсом переглянулись и побрели на поиски баскетбольной площадки, где, по словам секретаря Пламфли, в это время суток тренируются «Гидры».

– Стойте! – окликнул нас Карсон. – Если верить карте, которую любезный мистер Пламфли изволил вложить в папку...

– Не нуди, – оборвал его Брайс. – Если территория, где могут находиться кадеты, ограничена замковыми стенами, площадка, скорее всего, расположена за Восточной башней.

– Верно, так и есть, – пробормотал Карсон, сверившись с картой. – Ну что ж...

Брайс оказался прав. За корпусом, над которым трепетал зелёный флаг, находилось огороженное защитной оградой

поле. Солнце уже село, но благодаря многочисленным фонарям территория академии была отлично освещена. И чем ближе я подходила к этой ограде, тем больше сдавливал моё запястье браслет и сильнее колотилось сердце. Наверное, так реагировал сплав металлов на невидимый защитный барьер, опоясывающий поле. Его не могло не быть, так как за ним проходили учения по метанию заговорённых ядер.

Мы остановились у самой границы защитного поля. Вблизи оно выглядело как плотное прозрачное желе. От малейшего колебания воздуха по его поверхности расходились зыбкие волны. Я знала, что, стоит тронуть его пальцем или просто подуть, это безобидное на вид желе выбросит в лицо ядовитую струю. Зато, если вести себя дружелюбно, расположенные по периметру фонари и толстые стены позволяли наблюдать за происходящим внутри.

Парней было четверо – все одеты в бронежилеты поверх светло-зелёных рубашек с короткими рукавами и шлемы. Все широкоплечие, сильные и стройные, почти как мой лучший друг. Однако их мастерство оставляло желать лучшего. Не слушаясь заклинаний, норовистые ядра старательно избегали мишеней и, сталкиваясь друг с другом, разлетались по сторонам. Это и есть хваленые «Гидры»?

– Эркин, подтяни теорию. Кёртис, проверься у окулиста – косишь после игры с «Фениксом». Реншоу, свободное время проводи на поле, – доносился голос, полный силы и власти. Наверное, командир разъярялся.

– Вот если бы они сконцентрировались получше и поймали стихийный поток, процент попадания был бы выше, – умничал наш «четырёхглазый» душила.

– Не сомневаюсь, ты покажешь этим лузерам настоящий мастер-класс, – съязвил Брайс.

Карсон лишь крикнул в ответ, ибо всем хендфордцам было известно, что он силен только в теории, а вдали от большого скопления воды он растерял свои силы и вновь превратился в душного зубрилу.

А я вдруг почувствовала, что напряжение, которое невольно испытывала всё это время, схлынуло волной. Не такие уж здешние кадеты и небожители, как мне представлялось, раз даже с ядром справиться толком не могут.

Но тут один из парней перехватил летевшее мимо ядро, которое из оранжевого вмиг сделалось синим с голубыми прожилками и отточенным движением запустил в корзину, расположенную в самом дальнем углу. Не дожидаясь результата, он резко развернулся, как будто мог видеть нас спиной, и зашагал прямо к нам. И пусть рисунок на его визоре был просто ужасен – в виде простреленного навылет черепа и двойного ряда заострённых зубов, – я не могла отвести от него взгляд. Он одновременно пугал и притягивал, вызывал невольный трепет и неподдельное восхищение, давно забытое чувство защищенности и ожидание чего-то неотвратимого, и было не понять толком, то ли бежать от него сломя голову, то ли, наоборот, к нему...

– Чётко в цель, – чему-то радуясь, сообщил Карсон.

Парень поднял затянутую в чёрную кожаную перчатку руку, расчерчивая воздух руной, и зыбкие стены с бульканьем расступились перед ним, образовав аркообразный проход. Сняв шлем, он тряхнул головой и волосы блестящей тёмной волной легли ему на плечи. В нашей академии училось немало ла риорцев и этот ничем не отличался от остальных. И тем было удивительнее, отчего я с такой жадностью разглядывала его чётко очерченные брови, глубоко посаженные карие глаза, прямой нос и идеально подходящий к загорелой коже тёмно-розовый оттенок губ. Рост у него немаленький – Рейна бы сказала, что нужно подняться на носочки, чтобы его поцеловать.

Только вот зачем я об этом думаю? Потому что парень явно не рад нашему появлению.

– Вам заняться нечем? Почему без формы? Кто ваш командир? – упорно игнорируя меня и Карсона, незнакомец обращался непосредственно к Брайсу.

– Видимо, ты, – ответил тот. – Кадет Брайс Беккет. Прибыл из Хендфордской академии по программе обмена студентов. Вот назначение. А это мои друзья – кадет Элла Фостер и кадет Грейди Карсон.

Так и не удостоив меня взглядом, парень скривил губы. Пробежался глазами по бумагам и выдал только одно слово:

– Огонь?

– Огонь, – подтвердил Брайс.

– Отлично, можешь заселяться. Занимай любую свободную кровать. Сверься с расписанием и присоединяйся к группе за ужином. Всё, – и он отвернулся, собираясь вернуться к товарищам.

– Погоди, а как же Фостер и Карсон? – остановил его Брайс.

– Мы получили назначение в «Гидру», – поддакнул Карсон. – Если мы не по адресу, так и скажи.

– «Гидра» всегда была лучшей в Балленхейде. Без обид, но вы мне не подходите. Я найду вам места у бытовиков.

– Нет, так не пойдёт, – взвилась я. – Мы не бытовики, а боевые маги. Лучшие на курсе. Мы преодолели чёртову тысячу миль по морю не для того, чтобы некто с простреленным черепом решил, что нам здесь не место!

Парень наконец-то снизошёл до того, чтобы на меня посмотреть. Но, боги, каким был его взгляд! Так гончие глядели на своих жертв перед тем, как растерзать заживо.

Брайс прочистил горло и произнёс:

– Тебе следовало бы представиться. Элла у нас с характером. А я за неё порву любого.

– Здесь не курорт для молодёжи, а военная академия – это во-первых, – процедил наглец, – а во-вторых, я не повторяю дважды. Фицрой моя фамилия.

– Мы с Брайсом дружим с детства, – сообщила я, – и будем учиться в одной группе, хочешь ты того или нет. Вот моё назначение. Или принимаешь всех троих, или на первой же

показательной тренировке мы порвём твою «Гидру» на мелкие ошмётки. Усёк, Фицрой?

Как на замедленной перемотке плёнки я видела, как раздувались крылья его идеального носа, как углублялась вертикальная складочка между бровями, как заливалась мглой радужная оболочка глаз и изгибались кончики тёмно-розовых губ.

Но он ничего не сказал. Видно, помешали пробежавшие по плацу кадеты с оранжевыми нашивками на рукавах. Среди них краем глаза я углядела и Флинта. «Фениксы», значит. Девять человек. А у Фицроя только четверо, включая его самого.

– Сама запросишься в другую группу, если до завтра доживёшь, – прошипел командир.

– Не запрошусь – я выносливая, – пообещала я.

– Подтверждаю, – заступился за меня Брайс.

– В Балленхейд направили лучших из лучших, – вякнул и Карсон, хотя никто его о том не просил.

Фицрой смерил тщедушного Карсона убийственным взглядом и проговорил:

– Я был лучшего мнения об Академии Хендфорд.

– Лучше не хами, командир, – надвинулся на того Брайс, и я испугалась, как бы не началась драка. Если в Хендфорде на это, учитывая прежние заслуги Брайса, могли закрыть глаза, то здесь вряд ли.

– Новенькие? Добро пожаловать в «Гидру»!

Из-за близости защитного желе голос говорившего сильно искажался, зато видно его было прекрасно – это был высокий светловолосый парень с пронзительными голубыми глазами и россыпью веснушек на носу и щеках. В руках он держал шлем – чёрный, без рисунка, но с маленькими заострёнными рожками, как у адских гончих.

Двое других парней стали по обе стороны от него и с нескрываемым интересом водили по мне взглядами вниз-вверх, задерживаясь на стратегически выпуклых местах.

– Устроим небольшое соревнование, – выдал командир, – трое моих друзей против вас троих.

– Что нужно делать? – деловым тоном поинтересовался Карсон.

– Игруем в стихийный баскетбол, – пояснил Фицрой, – только мишени будут подвижными – так интереснее. Проиграете моей команде хотя бы в одно очко – отправляетесь в «Центавр» или «Хамелеон». Там всех подбирают.

Мы могли бы поторговаться, но меня будто кто-то за язык дёрнул, и я сказала:

– А ты что же, командир, не станешь играть? Боишься продуть девчонке?

Наглец бросил на меня такой взгляд, будто я была не симпатичной блондинкой, а сорняком, который нужно немедленно уничтожить, и процедил сквозь зубы:

– Мы в разных весовых категориях.

– А я сыграю, – подал голос голубоглазый. – Так что удачи,

красотка.

– Не красотка, а кадет Фостер, – уточнила я.

– Ещё какая красотка, – продолжал наглеть голубоглазый.

– Джед, нам жизненно необходимы в «Гидре» такие кадры.

– Таких кадров сам знаешь где навалом, – презрительно бросил командир.

Боги, да что с ним не так? Кто его так сильно обидел?

– Всё нормально, Брайс, – остановила я загоревшегося праведным гневом друга и предупредила остальных: – Не люблю, когда мне поддаются. Так что удачи, кадеты.

– Я Билл Реншоу, – представился парень. – Этот громила откликается на имя Дирка Кёртиса, а рыжего зовут Лиам Эркин. Ну а командир «Гидр» в представлении не нуждается – в долине Валькорна и за её пределами Джеда Фицроя знают все.

Мои друзья тоже назвали в ответ и командир всея долины Валькорна озвучил правила игры.

– Уверена? – шепнул мне Брайс. – Придётся вытягивать вдвоём, Карсон не в счёт.

– Уверена, – кивнула я, стаскивая рюкзак с плеча, и вдруг перехватила взгляд командира – едкий, презрительный и высокомерный, как у эльва.

А пространство академии вновь огласилось жутким воем гончей, полным затаённой злобы и ненависти.

Глава 4. Не каждый соперник – твой заклятый враг

Отличие стихийного баскетбола от обычного в том, что здесь используется уйма мячей и корзин, причём первые можно заговорить, а другим не возбраняется хаотично передвигаться по воздуху, прятаться от игроков либо, наоборот, выбирать себе любимчика и принимать только брошенные им мячи или выплёвывать их обратно – в таком случае очки не засчитываются. Применять магию не запрещается, но не рекомендуется намеренно ломать инвентарь и вредить другим участникам, например, драться или запускать в головы горящие мячи. Но данный запрет обычно игнорируется, поскольку спорные моменты в стихийном баскетболе решаются в пользу команды, на счету которой больше очков. Выигрывает та команда, которая первой забьёт в корзины двенадцать мячей. Учитывая норовистость корзин, мячей и особенно игроков, матч может длиться несколько часов подряд и известны случаи, когда он затягивался на трое или даже четверо суток.

– Корзины новичков красные, – распорядился Фицрой, – «Гидр» – зелёные. Остальные – на базу.

Он произнёс короткое заклинание, и корзины синего, серого, оранжевого и коричневого цветов, сталкиваясь друг с

другом, словно стадо неразумных овец, полетели в сторону небольшого деревянного строения, притаившегося в углу поля.

Пока латунные ядра заменяли на обычные баскетбольные мячи, дотошный Карсон пересчитал корзины и недовольно произнёс:

– Так не пойдёт! Красных корзин на три штуки меньше, чем зелёных!

Лицо командира вспыхнуло, точно в него краской красной плеснули. Впрочем, не думаю, что он нарочно сжульничал. Скорее, количество корзин того или иного цвета было разным изначально.

– Кёртис, убери лишнее, – приказал он.

– Нам выдадут шлемы? – спросил Карсон, наблюдая за тем, как Кёртис воюет с непослушными корзинами.

– Голову потерять боишься? – неприязненно бросил Реншоу.

– Всего лишь забочусь о собственной безопасности, – ответил наш умник.

– Могу свой одолжить, – произнёс командир и Карсон, похоже, не уловил в его тоне плохо скрытого презрения.

– Игруем без защиты, – подал голос Эркин, уловив настрой командира, и, показывая пример, стащил с себя бронежилет.

Вслед за ним и Реншоу с Кёртисом побросали свои бронежилеты и шлемы прямо на траву. Карсон глубоко вздох-

нул и был вынужден принять и это правило.

Мне не раз доводилось играть в стихийный баскетбол и моя команда нередко брала первенство, но впервые мне предстояло сыграть на чужом поле без подготовки, без защиты и с таким малым количеством игроков.

– Удачи! – пожелала я Брайсу.

– Удачи, Одуванчик, – ответил друг и, вспомнив наш уговор, поправился: – Удачи, Элла!

Почувствовав спиной чей-то пристальный взгляд, я обернулась, и командир «Гидр» поспешно отвёл взгляд. Дождавшись, пока игроки рассредоточатся по полю, он прочистил горло и крикнул:

– Готовы? Погнались!

Что тут началось! Пестревшие в траве мячи разом взмыли в воздух и, сталкиваясь друг с другом, разлетелись кто куда. Я не успела и глазом моргнуть, как один из шаров просвистел около самого уха, задев развевающийся на ветру локон, а от другого, целящегося в лицо, я успела увернуться. Корзины двигались не настолько быстро и большой угрозы здоровью не представляли.

Парни из команды соперников сориентировались скорее, а может, мячи им больше благоволили. Кёртису прямо в руки влетел мяч оранжевого цвета и тот ловко забросил его в пролетающую мимо корзину.

– Ты чем слушал, идиот? – рыкнул командир. – Наши корзины зелёные. Бросок не засчитан.

Хорошо смеётся тот, кто смеётся последним, однако я не смогла удержаться от шпильки:

– Чувствую, игра будет интересной!

– Я Дирк, – разулыбался парень.

– На шесть часов, Дирк.

– Понял, – протянул он и зачем-то поглядел на свои наручные часы.

Вот и зря, а ведь я предупреждала! Своенравный мяч, уверенно набирая скорость, влетел бедняге прямо в затылок и тот, не удержавшись на ногах, как подкошенный рухнул лицом в траву.

– Один – ноль! – возвестил маячивший на поле Фицрой.
– «Гидры» открывают счёт.

Убедившись, что Дирк не пострадал, я отвернулась и попыталась использовать давно проверенный приём.

– Воларэ ин манибус, – приказала я пролетавшему рядом зеленоватому шару.

Мяч замедлил полёт. Я повторила заклинание и тот с явной неохотой повиновался.

Есть! Теперь бы с таким же успехом забросить его в корзину красного цвета.

– Воларэ эд каниструм рубрум, – прошептала я рвавшегося из рук мячу.

Кое-как прицелившись, ибо шар так и норовил раньше времени вырваться на волю, я повторила заклинание.

Бросок. Короткое ожидание. И... Мяч отскочил от кольца

и устремился к Реншоу, на ходу меняя цвет из зелёного на синий.

Голубоглазый блондин улыбнулся и помахал мне рукой, а в следующий миг отправил предательский шар в зелёную корзину.

– Реншоу принёс второе очко команде «Гидр», – объявил командир.

Да что ж такое!

Я поискала глазами Брайса. Всем известно, что огневики – самые сильные маги. Если землевики и воздушники, по большому счету, находятся в контакте со своей врождённой стихией двадцать четыре на семь, то водникам приходится таскать на себе объёмные флаконы с заговорённой на удачу водой, ну а огневик никогда не станет носить в кармане горящую свечу. Огромная сила воли, негибаемость характера и внутренний огонь – всё, что у них есть. И прямо сейчас Брайс заколдовывал вращающиеся вокруг него мячи. Прямо на глазах они теряли свой прежний окрас и буквально зажигались изнутри. Как только пламя прорывалось сквозь оболочку, друг отправлял их по корзинам. Но, видно, не успевал их как следует заколдовать. Потому что мячи разлетались в разные стороны и лишь один достиг цели.

– Два – один в пользу «Гидр», – бесстрастным тоном комментировал командир. – Поправка: два – ноль. Мяч в корзине не задержался.

Карсону повезло ещё меньше. Выпущенный им мяч ата-

ковали сразу несколько огненно-красных шаров и, так и не долетев до места назначения, тот лопнул и с шипящим свистом полетел в кусты. А синий мяч противника с глухим ударом врезался ему в грудь. Карсон охнул и присел. Ну, в общем-то, мы на него особо и не рассчитывали.

Но к игре стоило отнестись серьёзнее.

Упав на одно колено, я зарыла пальцы в траву и решила прикрыть глаза, концентрируясь на внутренней силе и призывая стихию земли. Браслет сдавил запястье так, что онемели пальцы, но я продолжала читать призывающее заклинание. Вокруг свистели мячи, кто-то пробежал совсем близко, читая на ходу заклęcia.

– Беккет принёс своей команде первое очко, – крикнул Фицрой и, не удержав нейтралитет, добавил: – Шевелите ластами, «Гидры»!

Отлично, Брайс! Трепещите, «Гидры»!

– Эркин, не считается! – разъярялся командир. – Наши корзины – зелёные! Вы с Кёртисом, случайно, не разлученные в детстве близнецы?

– Но наши всегда были красные! – виновато протянул Эркин.

Магия упорно не откликалась. Похоже, я напрасно пытаюсь оживить то, что давно умерло. Наверное, те две недели, проведенные вдали от суши, поставили окончательную точку в моих взаимоотношениях со стихией земли.

– Да пропади оно всё пропадом! – рассердилась я, подска-

кивая на ноги.

И получила мячом по плечу. Дыхание оборвалось, сердцебиение тоже. Меня качнуло в сторону и я едва устояла на ногах.

– Элла!

Ко мне со всех ног бежал Брайс. Отшвырнул объятый пламенем мяч, который тут же перехватил Реншоу.

– Всё в порядке, – прохрипела я. – Что ты творишь?! Считай, отдал очко противнику!

Но нет. Заклинание Брайсу удалось неплохо. Пущенный Реншоу мяч не пожелал лететь в зелёную корзину. Изменив траекторию, он угодил в желеобразную стену, вызвав всплеск брызг. Благо, поблизости никто не пробежал. Только сине-зелёный мяч летел вдоль стены. Попавшие на него брызги, точно серная кислота, мигом растворили оболочку, превратив увесистый мяч в комок непонятного цвета. Зато по другую сторону защитной стены собирался народ. «Фениксы» в полном составе наблюдали за игрой. Переговаривались, делали ставки. Увидев, что я смотрю в их сторону, дружно засвистели. Даже чёртов Флинт.

– Три – один в пользу «Гидр», – голос командира перекрыл всеобщий гвалт.

– Заколдовываешь мячи, я бросаю по корзинам, – сказала Брайсу я.

Он молча кивнул. Времени на обдумывание ситуации и слова поддержки попросту не было.

Мы с Брайсом находились в центре поля. Учитывая большое расстояние от брызгающих ядом стен, это неплохая позиция. Из минусов – мы находились под непосредственным обстрелом мячей. А те будто нарочно ополчились против нас, только успевай уворачиваться!

Но дело потихоньку налаживалось. Брайс перехватывал и заколдовывал мячи, я отправляла их по корзинам, предварительно остановив «мишени» заклинанием неподвижности.

Не прошло и минуты, как Фицрой возвестил:

– Три – два в пользу «Гидр».

И затем уже практически не останавливался:

– Четыре – два в пользу «Гидр». Четыре – три. Четыре – четыре, твою налево. Эркин, соберись, не будь тряпкой, и забей, наконец, мяч в корзину! Пять – четы... Чёрт, пять – пять, вы там совсем опухли? Не спать! Кёртис, тебе штрафной, корзины на противника сможешь надевать тогда, когда будешь вести счёт. Очкастый... Карсон то есть, живой? Если живой, вставай и... Шесть – пять в пользу новичков. Да за ноги кверху, вы чё творите?! Не сравниваете счёт, отправлю на кухню посуду мыть. Новенькие, не наклейте, цельтесь в подвижную мишень, всё, что не движется больше минуты, целью не является. Другое дело. Шесть – шесть. «Гидры», от мёртвых и то больше пользы, чем от вашей игры! Но если хотите, чтобы «Фениксы» обанкротились, лажайте и дальше – они наверняка поставили на вас. Семь – шесть в пользу новеньких. Реншоу, слева!.. Кёртис, я тебя в порошок со-

тру! Ещё раз промажешь, будешь замыкающим в «Центавре». Семь – пять, мяч ушёл из корзины. Семь – шесть. Можешь, Кёртис, если захочешь. Семь – семь! «Гидры», осталось пять очков. Восемь – семь! Вы меня живьём зарываете, идиоты! Ну кто так играет?! Кто хочет занять место арбитра? Эркин, ты?.. Эй! Фостер! Дышишь? Стоп игра!

Ой, не знаю, дышу ли.

Перед глазами снова огненная стена встаёт, как в далёком детстве. Вместо кислорода – раскалённый газ. И вся я как натянутая струна. Но шевелиться могу. И дышать, оказывается, тоже, только вместо живительного кислорода грудь распирает жидкий огонь. Кажется, выдохну сейчас пламенной струёй, как мифический дракон.

– Жива? – сказали совсем рядом, и я ощутила чью-то тяжёлую руку у себя на плече.

Огненная завесь медленно опадала. Сквозь неё проглядывало донельзя озабоченное лицо Брайса и, что уж совсем неожиданно, командира «Гидр». За ними маячили остальные.

– Элла, как ты? Позвать врача? Я мигом!

Брайс подскочил на ноги, а рука на плече осталась. Чья это рука, если не Брайса?

– Нет! Постой! – взвизгнула я, с ужасом отмечая, что сижу на земле, а рука принадлежит Фицрою, который, похоже, сам в шоке оттого, что меня тронул – вон как его перекосило. И на свою конечность глядит с таким выражением, будто на

полном серьёзе раздумывает, не отсечь ли предательницу. – Я в порядке! В полном! Продолжим игру.

Наскоро ощупала руки и ноги. Всё целое. Наверное, когда я защищала руками голову, мяч угодил в ректорские часы. Звенья цепочки погнулись, стекло на циферблате треснуло, но секундная стрелка продолжала свой бег. Чуть выше запястья наливался крупный синяк.

– Что? – удивилась я. – Мы играем уже полтора часа?

– На ужин опоздали, – с грустью констатировал Кёртис.

– Кость цела? – осведомился командир.

– Вполне, – ответила я.

– Часы жалко, – протянул Эркин. – Красивые. А ссадина заживёт, чего ей сделается!..

– Налицо намеренный вред участнику игры, – объявил Карсон. Волосы у него растрепались, на лбу кровоточила свежая царапина, дужки очков погнулись.

– Какой намеренный? Ты попутал, очкастый? – наехал на Карсона громила Кёртис. Впрочем, и он выглядел ненамного лучше.

– Счёт вели новенькие, – сквозь зубы процедил командир, – правда на их стороне. Разрешается один бросок в полностью неподвижную мишень. Если вы, конечно, хотите продолжить игру.

– Я же сказала, мы продолжим, – с нажимом произнесла я, поднимаясь на ноги. – Ты глухой, Фицрой?

– Ты совсем того, Фостер? Таким, как ты, не место в «Гид-

ре», разве не ясно? Один раз мячом прилетело, и ты почти труп, – кипятился командир. – Реальный бой – это не детские побегушки с мячом. Ты не представляешь, что это такое на самом деле. В бой, понятное дело, никто тебя не отправит, твой максимум – вертеть перед солдатами задницей или бумажки в штабе переключивать. Только зря занимаешь место какого-то способного парня. Из-за тебя и тебе подобных победа не приближается и в Аластурии прямо сейчас гибнут мирные люди и виновата в этом ты. Да, именно ты. Что, мозгов не хватило самой до этого додуматься?

– Фильтруй речь, командир, – предупредил Брайс. Кажется, ещё секунда – и он набросится на того с кулаками.

– Всё сказал, Фицрой? – процедила я. – А теперь слушай сюда. Я родилась и выросла в Альверии и в то время, когда ты учил в школе азбуку, я пряталась от адских гончих в подвале. Когда у тебя начался подростковый кризис и проблемы с родителями, я похоронила своих в братской могиле. Ты посещал музеи, кинотеатры, парки развлечений и всё, что там положено посещать гражданам Тройственного Союза, а я видела, как умирают от голода соседские дети, как горят наши дома, как уходят родные и больше не возвращаются. У меня не было кукол, книжек, нарядных платьев, сладостей и всего, что принято считать счастливым детством, и не только у меня – его не было у многих поколений Третьего Континента. И ты думаешь, что после этого я мечтаю спокойно перебирать в штабе бумаги или вертеть перед тобой задни-

цей? Да во мне злости больше, чем в целом отряде адских гончих, и всё, чего я хочу – это избавить мир от исчадий зла.

Я ещё много чего хотела сказать, но вдруг обнаружила, что мои кулаки стучат по командирской груди. Боги Альверии, что они там делают?!

Руки я убрала, конечно, но успокоить дыхание удалось далеко не сразу.

А Фицрой наклонился ко мне близко-близко, чтобы услышала его только я:

– Много, говоришь, злости? А играешь как сонная муха.

Я задыхнулась. Что?! Сонная муха?! Да как он смеет вообще?! Это, конечно, не самая моя лучшая игра, но ведь и какая-никакая магия до недавних пор была со мной. А сейчас, когда я хочу убить проклятого Фицроя взглядом, она не откликается.

– Ну так что, друзья, воспользуемся привилегией и забьём мяч в неподвижную мишень? – севшим голосом проговорил Карсон, разрядив напряжённую атмосферу.

Первой мыслью было отказаться от сомнительной привилегии, но я оборвала себя на полуслове. В конце концов, мы это заслужили.

Девятое очко в зелёную корзину забил тщедушный Карсон. Затем «Гидры» двумя чёткими попаданиями сравняли счёт. Пока Брайс гонялся за улепётывающими из корзин мячами, я почувствовала прилив магии (наверное, из-за потерявшего целостность магического браслета) и принесла на-

шей команде десятое очко. За ним последовало одиннадцатое от Брайса.

– Одиннадцать – одиннадцать, – объявил Фицрой, когда Реншоу совершил отчаянный прыжок и, чудом избежав столкновения с защитным ограждением, забросил очередной мяч в зелёную корзину. – Остался решающий бросок.

Парни за защитным желе заволновались. На фоне свиста и аплодисментов слышались отдельные выкрики:

– «Гидры»! «Гидры»!

– Покажите этим хендфордцам небо в алмазах!

– Фицрой, а ты чего бездействуешь? Давно бы уже сделал этих хлюпиков!

– А девчонка ничего вроде.

– Академия Хендфорд круче всех! Ждёт нас всех большой успех!

Последнее явно принадлежало Флинту. Приятно, чего уж там. Краем глаза я отметила, что зрителей стало значительно больше. Должно быть, весь факультет собрался поглазеть на игру.

Тётя Эмили как-то говорила, будто проиграть достойному противнику не стыдно и что не каждый соперник – твой заклятый враг. Но в нашем случае первое абсолютно исключено, а второе сомнительно.

– Соберись, Фостер, и не посрами фамилию своих родителей, – сказала я самой себе. – Они погибли не для того, чтобы ты облажалась перед этим заносчивым гражданином.

Я быстро оценила ситуацию. Уже совсем стемнело и мощные фонари слепили глаза – вон Эркину, находящемуся в невыгодной позиции, приходится прикладывать ладонь козырьком ко лбу. Почти все корзины были наполнены мячами и зависли в воздухе существенными помехами, а свободные предпочитали прятаться за ними. Мячей на поле осталось совсем немного и предприимчивый Реншоу, укрывшись за переполненной мячами красной корзиной, намеренно посылал их на смерть в изрыгающие ядом желеобразные стены. А командир видит и молчит!

Хотя...

– Реншоу, это уже перебор! – гаркнул он на ходу. – Ты дисквалифицирован!

– Да брось, Джед, такого пункта в правилах нет, – огрызнулся тот.

– Теперь есть!

Я не стала дожидаться конца спора и помчалась по полю за последним уцелевшим мячом.

А с противоположного угла бежали Кёртис и Эркин. Карсон мчался наперерез. Брайс догонял. И все мы читали противоречащие друг другу заклинания. Потому что несчастный мяч то загорался, то терял цвет, метался то влево, то вправо, скакал по земле или выписывал в воздухе зигзаги и петли.

– Нолитэ эум! – кричала я.

– Нолитэ эум! – повторил за мной Брайс.

Мяч на несколько секунд застыл у Карсона над головой. Дёрнулся и целенаправленно двинулся к корзине зелёного цвета.

– Не-е-ет! – схватился за голову Карсон.

Мне хотелось кричать то же самое, но нужно бороться до последнего!

– Воларэ эд каниструм рубрум! – кричали мы с Брайсом в унисон.

– Воларэ эд вериди каниструм! – вопили «Гидры».

В ход пошла стихийная магия. С ладоней Брайса скользнули огненные ручейки и пылающими щупами потянулись к мячу. Кёртис, видно, владел магией земли, потому что та задрожала под ногами, а вырванная с корнем трава поднялась в воздух, застилая видимость. Эркин метнул пару фаерболов и угодил в соседнюю корзину, куда стремился попасть оставшийся мяч.

Но к нему уже подбиралась другая, такого же ярко-зелёного цвета, и совершенно пустая.

– Реншоу, я же сказал, не вмешиваться! – рявкнул командир. – Сегодня приберёшь в комнате вместо меня!

И корзина безвольно опала на землю. Разве я могла упустить такой шанс, пока остальные плели травяные сети и пытались сбить застывший в небе мяч фаерболлами?

Зрители за стеной бесновались от напряжения и предвкушения.

– Заклинаю всей своей магией, найди пристанище в крас-

ной корзине! – и отправила прицельный магический поток.

Вообще, преподаватели не рекомендовали использовать данное заклинание, поскольку оно буквально расходовало всю накопившуюся энергию. Но если очень-очень надо, то почему бы и нет?

Я не видела, что произошло дальше. Только слышала, как ликует Брайс и Карсон, как Кёртис разражается проклятиями, а пространство за защитной стеной взрывается свистом и аплодисментами. В ушах зазвенело, руки обвисли безвольными плетями, колени ослабли и подкосились, и мой лучший друг очень кстати подхватил меня и закружил в объятиях. Мир вокруг тоже кружился и перемигивался разноцветными бликами.

– Элла, мы победили! – ликовал Брайс. – Победили «Гидр»! Ты умничка! Обожаю тебя!

– Я тебя тоже, Брайс, – устало отозвалась я, – только, пожалуйста, поставь меня на ноги.

Он послушался, но далеко не уходил, а я, ощущая рядом сильное и верное плечо, чувствовала, как ко мне потихоньку возвращаются силы.

– Двенадцать – одиннадцать в пользу новеньких, – возвестил во всеуслышание Фицрой и уже тише, так, чтобы слышали только находившиеся на поле: – Поздравляю и благодарю за отличную игру. Хендфордцы, приветствую вас в «Гидре». Но учтите, я не терплю лени, нытья и открытого неповиновения. Требования по нормативам – выше, чем прописано

Уставом, так как эльвы на поле боя на наши Уставы ориентироваться не станут. Не дотягиваете до верхней планки – мы прощаемся без сожаления.

– Мы не подведём, – ответил за всех Брайс.

– Неплохая стратегия, кстати, – сказал мне Реншоу.

– Спасибо, – сдержанно кивнула я.

– Добро пожаловать в «Гидру». – Эркин протянул руку, и мы по очереди обменялись рукопожатиями. Приятно, что парни не оказались снобами, какими я почему-то их представляла. Один только Фицрой руки не подал, но и чёрт с ним. Переживу.

Парни, обступив Брайса, стали обсуждать самые волнительные моменты игры.

А мне ничего не оставалось, как спросить у самого командира:

– Буду весьма признательна, если подскажешь, где здесь женский корпус?

В тёмных глазах вспыхнуло пламя, а губы исказились в мстительной ухмылке.

– Нет здесь женского корпуса, Фостер. Всё общее: столовая, тренажерка, раздевалка, спальня и душ с уборной тоже общие. Радуйся, ты же так рвалась на факультет боевой магии. И да, самое главное: время, отведённое на приём душа, тоже общее. Никаких привилегий, за которые вы так любите топить. Не нравится – я тебя не держу, у связистов и медиков вроде как есть отдельные комнаты для девчонок.

– Нет, спасибо, меня всё устраивает, – поспешила внести ясность я. – Главное, чтобы *вы* не требовали привилегий принимать душ отдельно.

И отвернувшись, лишь бы противный Фицрой не увидел, насколько сильно я умею краснеть.

Глава 5. Тебе не место на моём факультете, командир

– Что-то вы сегодня подзадержались! Ждала вас, нарочно не закрывалась, припасла для своих любимчиков пирожков с рисом и ливером, они сегодня удались на славу – разлетаются, как золотые монеты на свадьбе! – частила низенькая румяная женщина за стойкой, накладывая парням порции побольше. И челюсть уронила, увидев меня. Как будто я не человек, а эльв в форме кадета боевой магии. – Ой, а у вас девочка! Боги Ла Риоры, где ж это видано, чтобы девочки боевыми искусствами занимались!.. Худенькая-то какая, нехорошо. Ну ничего, откормим, отпоим, станешь здоровенькая и ладненькая.

– Не припомню, чтобы я просила оценивать свой внешний облик, – бросила я. – Мне и одной отбивной достаточно, спасибо.

Улыбка сползла с румяного лица и мне в тарелку плюхнулась горка остывшей кукурузной каши с бобами и обильно приправленная специями мясная лепёшка. В Хендфорде нас кормили иначе, но не стоит судить местную кухню по одному приёму пищи.

– Это миссис Кёртис, тётушка Дирка, лучше её не обижай, – шепнул через плечо Эркин, отойдя от стойки следом за

мной. – Она иногда перегибает, но чисто из лучших побуждений.

– Лучшими побуждениями вымощена дорога сам знаешь куда, – буркнула я и уселась за стол рядом с Брайсом. С другой стороны примостился Эркин, сильно меня потеснив.

То чувство командного духа, которое охватило меня после игры в стихийный баскетбол, притупилось, и я снова ощущала на себе заинтересованные взгляды тестостеронового факультета. Парни вслед за «Гидрами» вломились в столовку пошуметь и пожевать заветревшихся пирожков и пересоленных отбивных. Кадеты обсуждали игру и перешёптывались, поглядывая в нашу сторону. Нетрудно догадаться, кого именно они обсуждали. За нашим же столом жадно проглатывали еду, практически не жуя и периодически нахваливая то стряпню миссис Кёртис, то Брайсову подачу правой.

– На Третьем Континенте так не кормят, да? – самодовольно ухмыльнулся Кёртис, расправляясь с последним куском.

– Хендфордская академия находится на Втором Континенте, – поправил Карсон, – а во-вторых, наши кухни, конечно же, немного разнятся, и это общепризнанный факт.

– Сильно разнятся, – пробурчал Брайс, пытаясь разжевать жёсткую отбивную, – и это я ещё мягко выразился.

Карсон закашлялся, а я едва сдержала смехок. Обычно в таких ситуациях Брайс не церемонился и называл неудавше-

еся блюдо кулинарным преступлением против человечества.

– Каникулы закончились, с завтрашнего дня начинается второй семестр, – возвестил командир, отставляя пустую тарелку. – На всё про всё полчаса. Затем отбой. После отбоя по территории академии гулять запрещено. Подъём в пять утра. В пять тридцать без опозданий сбор на спортплощадке. Затем общее построение, завтрак и занятия по расписанию. Новенькие, вызубрите карту и распорядок дня назубок, чтобы не теряться.

Фицрой сидел за столом чётко напротив меня. Пока ел, не проронил ни слова. По сторонам не смотрел. Сlopал всё до последней крошки, лимонад выпил до последнего глотка. Боги, да я слежу за ним, точно за своим заклятым врагом!..

– Обязательно, у нас же куча свободного времени до пяти утра! – не сдержалась я.

Его взгляд как прицел, за которым неминуемо последует выстрел. Только мне ни капли не страшно. Я давно не боюсь людей, какими бы грозными они ни казались. Даже самый жестокий убийца не вызовет во мне такого же трепещущего ужаса, как вызывает один вой адской гончей.

– Готовы? – спросил командир. – Фостер, тебя одну ждём.

Подождёт! Я не спеша отрезала кусочек мяса и артистичным движением отправила его в рот. Пережёвывала нарочито долго, глядя командиру прямо в злующие тёмные глаза. Казалось, все вокруг замерли и молча следили за каждым дви-

жением моих челюстей. Но до остальных мне не было никакого дела.

За результатом «кулинарного преступления» последовал стакан с лимонадом. Пить можно, но, если бы туда додумались добавить несколько кубиков льда, стало бы намного лучше. То ли взгляд командира всё-таки меня смущал, то ли я не была достаточно аккуратной, но последний глоток попал не в то горло и мне стоило огромного труда не закашляться.

– Я закончила, – констатировала я.

– Ты ешь как кинозвезда, – восхищённо протянул Кёртис.

Мне ещё никогда не делали таких комплиментов. Приятно, не скрою.

Но Фицрой всё испортил брошенной вскользь фразой:

– Откуда тебе знать, как едят кинозвёзды? Даже Дотти ест намного аккуратнее.

Брайс покраснел и, уверена, вступился бы за меня, если бы кто-то за соседним столом, не стесняясь в выражениях, не предложил пари на то, как скоро Фицрой сживёт меня на факультет бытовой магии. И друг моментально переключил внимание на соседа.

– Что ты сказал? А? Слабо повторить? – наседал он.

– Что тебя так задело? – не понял тот. – Девушек на нашем факультете сроду не было. Это вопрос времени, сколько она здесь протянет. Скорее всего, уже завтра её переведут к бытовикам или связистам.

– Элла боевой маг и никуда её не переведут, – с нажимом

произнёс друг.

– Ах, Элла. – Парень многозначительно приподнял одну бровь.

– Этвуд, отбой, – сделал предупреждение рослый светло-волосый парень из «Фениксов». Должно быть, командир.

Но тот не желал слышать.

– Думаешь, хорошо устроился? – продолжал он. – На самом деле не очень удобно, когда твоя девушка спит в общей комнате. Или ей выделили отдельную?

В надежде сгладить конфликт я начала доказывать, что на Втором Континенте девушки учатся на боевом факультете наравне с парнями, но переоценила уровень коллективного интеллекта. Парни разразились хохотом. Брайс такого терпеть не стал.

Вдох, разворот, треск воротника, рывок и смачный удар правой в челюсть – и всё это буквально за пару секунд.

– Брайс! – ахнула я, пытаюсь оттащить того за рукав. Нам ещё наказания в первый же день не хватало!

Кадеты с оранжевыми нашивками на рукавах вскочили с мест. Вокруг загалдели. Что-то со звоном упало и рассыпалось по полу. Миссис Кёртис истошно визжала. А Флинт храбро бросился между злющим Брайсом и горящим жаждой мести крепким парнем из «Феникса», но его вмешательство нисколько не помогло. Не успела я и глазом моргнуть, как Брайс свалил обидчика на пол и принялся колотить того по чему придётся. «Фениксы» налетели разнимать против-

ников.

– Я позову сержанта Фултона! – голосила кухарка. – Прекратите немедленно!

– Тётя, не надо! – взывал Кёртис.

А Фицрой стоит, скрестив руки на груди и ничего не предпринимает. Ухмыляется так, будто наслаждается зрелищем.

– Сделай что-нибудь! – налетела на него я.

– Лучший способ узнать человека – посмотреть на него в гневе, – выдал тот.

Но я уже стояла рядом с Брайсом. Реншоу и Эркин удерживали его за руки с обеих сторон. Одна бровь рассечена и нижняя губа кровоточила, не считая небольшой дыры на плече. Этвуд выглядел намного хуже, но сердечко болело за друга.

– Брайс, ты как? Отпустите его! Немедленно! – причитала я, не обращая внимания на зрителей. – Ну зачем же ты?.. Больно? Давай к доктору сходим?

– Не надо, Элла, всё хорошо. – Брайс хотел улыбнуться, но из-за раны на губе получилось только скривиться.

– Беккет, заступаешь на ночное дежурство, присоединишься к неудачникам из «Центавра», – сквозь шум и гвалт различила я голос Фицроя.

Нет, ну это ни в какие ворота!

– Ты этого не сделаешь! – крикнула я.

– Устав для всех один, даже для новеньких, – ответил он и самым наглым образом улыбнулся во все белоснежные трид-

цать два.

Толком не понимая, как снова очутилась возле командира, я лишь обнаружила, что смотрю снизу вверх в бесстыжие тёмные глаза и воинственно стучу кулаками по его груди. Снова! Да он какой-то магнит для моих кулаков!

– Имей совесть, человек ранен! Только приехал, устал с дороги, а тут ты со своим баскетболом и ночным дежурством!

Фицрой со спокойствием удава обхватил мои запястья одними пальцами, но по ощущениям на них словно ещё по одному магическому браслету надели!

– Не советую так делать, Фостер, иначе отправишься на дежурство вместе с Беккетом.

– А может, я этого и добиваюсь? – не сдержалась я.

– Не думаю, что тебе доставит удовольствие кормить Дотти и чистить за ней клетку, – и с ухмылкой добавил: – Хотя, вдруг я ошибаюсь?

– Да пошёл ты, командир! – прошипела я. – Говоришь, мне не место на твоём факультете? А может, это тебе не место на моём?

Злость кипела во мне, заставляя грудь высоко вздыматься на вдохе и с шипящим свистом выдыхать углекислый газ. Мышцы напряглись, приготовившись дать отпор, а гулко колотящееся сердце, будто раскалённой иглой, раз за разом пронизывал электрический импульс. Я с удивлением констатировала, что так заявляла о себе магия. Не магия земли, а

другая...

– А это не тебе решать, Одуванчик, – последнее слово командир выдохнул мне прямо в ухо, вызвав волну колючих мурашек по коже и новый мощнейший укол в сердце.

Приняв моё замешательство за слабость, Фицрой, глядя на меня из-под полуопущенных век и не отпуская моих рук, подался назад. Я невольно потянулась за ним, но в следующий миг с каким-то полувсхлипом-полурыком вырвалась из захвата.

– Так позволено называть меня только Брайсу, – процедила я и ринулась прямо на командира.

Отправиться с Брайсом вычищать нечистоты за адской гончей или спать в одной комнате с ненавистным командиром? Выбор очевиден.

Уверена, он предвидел, что именно я намереваюсь сделать. И стойко принял удар. Звонящее эхо разнеслось по всей столовке, а на смуглой щеке проявился алый след от моей пятерни. Моё же запястье пронзило болью. И не только запястье – всю руку до самой груди словно стрелой проткнуло.

– Фицрой, ты только что позволил девчонке прикоснуться к себе, – нарушил молчание кто-то из «Фениксов».

– И уже не первый раз за сегодня, – ошеломлённо произнёс Кёртис.

Я ожидала от командира «Гидр» чего угодно. Но только не того, что он, за считанную секунду оказавшись рядом с лидером «Фениксов», вмажет тому по физиономии.

– Никому из твоей команды не позволено сквернословить в адрес моей, – процедил он, – кто бы в ней ни был.

Нет, ну надо же! И пусть Фицрой за меня заступился, это нисколько не отменяет моей решимости избавиться от него как можно скорее.

– Отставить разборки! – раздался громоподобный голос.

Принадлежал он, как оказалось, мужчине средних лет с угрожающе квадратной челюстью и такой широкой грудью, что пара средних пуговиц на кителе едва держалась на распутившихся петлях. Весь его облик излучал силу, решительность и желание повелевать. Это тот самый сержант Фултон, которого грозились позвать кухарка и который пленил в Альверии адскую гончую?

– Фицрой, не ожидал от тебя, – прогремел Фултон. – Заступаешь на ночное дежурство до утра. – Он обвёл взглядом поутихших кадетов и остановился на Брайсе как на менее пострадавшем. – Новенький?

– Кадет Брайс Беккет, – представился друг. – Получил назначение в «Гидру».

– Составишь Фицрою компанию, – приказал сержант. – Расходимся по комнатам, не задерживаемся. Через пять минут прозвучит отбой.

– Простите, сэр, – подала голос я, чувствуя, как кто-то легонько тянет меня за ткань рукава, мол, не отсвечивай. Я обернулась – Реншоу. И шикнула на него, чтоб не лез под руку.

– Вы кто, юная леди? – пробасил Фултон. – Из бытовиков или связистов? Идите-ка к себе на факультет и не провоцируйте моих кадетов на драку.

– Я на своём факультете, сэр. Моё имя Элла Фостер. И я тоже замешана в драке, а Устав, как мы знаем, один на всех.

Фултон моргнул, но, заметив алый след у Фицроя на щеке, крикнул и вынес вердикт:

– Устав есть Устав, но последнее слово за мной. Бегом марш в корпус и до рассвета не высывайтесь. Это касается всех, кроме Фицроя и Беккета.

Реншоу споро потянул меня к выходу, лишь бы Фултон не передумал. Проходя мимо Брайса, я шепнула как можно тише:

– Я найду способ вырваться к тебе.

– Не смей! – прошипел друг, но взгляд выдавал его – он знает, что я сдержу слово.

С командиром мы встретились взглядами буквально на миг. Но этого хватило, чтобы лишить друг друга кучи нервных клеток и нескольких месяцев жизни.

Глава 6. Я не против лишний раз его позлить

Ура! На двери душевой оказалась задвижка. Большая такая, прочная. Парни галантно пропустили меня вперёд, однако я не переставала думать о том, что они прислушиваются под дверью и, пользуясь отсутствием Брайса, наверняка обсуждают моё поведение и физические данные. Поэтому водные процедуры прошли максимально быстро.

Облачилась в свежее бельё и новенькую летнюю (или, если оперировать местными категориями – зимнюю) форму, обнаруженную в одном из свободных шкафчиков. Мужскую, правда. В некоторых местах висевшую на мне мешком, в других, наоборот, едва по швам не трещавшую. Понятное дело, ведь девушку на боевом факультете не ждали. Надо будет завтра познакомиться с комендантом и попросить женский комплект.

И вообще, неплохо бы завести знакомство с девушками из других факультетов. Думаю, их здесь немало, ведь для парней, как правило, конкурс красоты не объявляют. И помириться бы с миссис Кёртис, а то как-то нехорошо получилось. Когда ты сплошь и рядом окружена представителями противоположного пола, всегда лучше заручиться поддержкой своего.

Интуиция меня не подвела – однокурсники толпились в коридоре. Одни переговаривались, вторые лупили друг друга свёрнутыми в жгуты полотенцами. И в один миг я ощутила на себе взгляды как минимум двух десятков пар глаз.

Дверной косяк подпирал громила Кёртис и я едва с ним не столкнулась.

– Так вкусно пахнешь, – протянул он, наклоняясь к моим мокрым волосам.

– Шампунь с ароматом крапивы, ничего особенно вкусного в ней нет, – пробормотала я и, прижимая к груди свёрток с бельём и банными принадлежностями, быстрым шагом направилась в сторону спальни. Грудь-то я прикрыла, а вот то, что сзади, туго обтянутое светлыми брюками, скрыть не удалось. И это я ещё выбрала самый большой размер из свободных!.. Судя по реакции парней, костюмчик им понравился.

Можно было бы попробовать наслать на них временную слепоту или ещё что-нибудь интересненькое, но ведь не заколдовывать же однокурсников всякий раз, когда я появляюсь в поле их зрения!

– Привыкайте, я здесь надолго, – бросила я через плечо и завернула за угол коридора. Боги, как же мне не хватает моего верного друга!..

Благоразумно решив дождаться, пока все улягутся и уснут, чтобы затем выбраться во двор к Брайсу, я, чтобы не привлекать излишнего внимания, выбрала нижнюю полку на самой дальней кровати, юркнула под одеяло, отвернулась к

стене и притворилась спящей.

Только это мало помогло.

– А где Фостер? Уже сбежала? – прозвучал первый же вопрос, стоило парням вернуться.

– Вон она. На первом этаже у Джеда. Спит, кажется, – кто-то ответил.

Я что, умудрилась улечься на той самой кровати, где спит Фицрой?! При первом же удобном случае перелегу куда подальше. Займу нам с Брайсом одну кровать на двоих. Договоримся потом, кто поселится на верхней полке, а кто на нижней.

Послышался шорох снимаемой одежды, скрип старых металлических кроватей, стук деревянных дверей шкафчиков, зевки и почёсывания. Парни готовились ко сну.

– Всё-таки будет жаль, если она уйдёт, – видно, продолжая начатый разговор, произнёс Реншоу. Я узнала его по хриловатому голосу.

– Будет намного хуже, если из-за неё опустится рейтинг команды, – возразил Эркин.

– Зря вы так. Элла всегда показывала высокие результаты, – заступился за меня Карсон.

Я со вздохом повернулась.

– Вообще-то, я здесь и всё слышу! – и уткнулась взглядом в чью-то пятую точку. Слава небесам, обтянутую нижним бельём. Аккуратную и ладную. Но кто в здравом уме на выпускном курсе носит трусы с машинками?!

– Как тебе у нас? Нравится? – свесился с соседней кровати светловолосый Реншоу.

– Нормально, – выдавила я, чувствуя, как стремительно и густо заливаюсь румянцем, и, несмотря на удушающую жару, натянула одеяло до самого носа.

– А парень у тебя есть? – продолжал допрос Реншоу.

– Эй, мы же договаривались! – прогремел Кёртис.

Договорились они! В Балленхейде никому ничего не светит – и точка.

– Отношения меня не интересуют, – ответила я, – только учёба и карьера. Всем доброй ночи. Надеюсь, мальчики, вы не боитесь спать в темноте.

– Как это – не интересуют? – не понял Реншоу. – Прости, но в это верится с трудом.

– Билл, не начинай! – предупредил Кёртис.

Видят боги, я старалась держать себя в руках, но что-то внутри вспыхнуло, точно облитый горючей смесью факел.

– Вы решили, раз я девушка без гражданства, то приехала сюда с целью удачно выйти замуж и получить паспорт, так?

– Нет, мы вовсе так не думаем, – возразил Эркин, но его тон ничуть меня не убедил.

– Вот и отлично. Значит, вы не станете делиться с лицами без гражданства тем, что дано вам по факту рождения. Не будем же препятствовать друг другу в достижении заветных целей, пусть все останутся довольны. Куи ме контра ультерра ноктус опириентур волунтас. Чао, мальчики.

– Что она сказала? – ошарашенно переспросил Кёртис.

– Пусть те, кто этой ночью тронет меня против моей воли, покроются язвами, – пояснил Карсон.

– Чего?! – возмутился громила. – Да пошёл ты, извращенец!

– Ты спросил, что имела в виду Элла, я перевёл, – под громкий хохот Эркина и Реншоу ответил Карсон. – Лучше бы ты качал мышцы не здесь, – я так и представила, как наш заучка с умным видом показывает свой неразвитый бицепс и затем стучит себя пальцем по лбу, – а здесь.

Парни ещё пошумели немного и утихли. Вскоре послышался дружный храп. «Сейчас встану и пойду искать Брайса», – мысленно сказала себе я, но усталость взяла своё. И, не успев высунуть ногу из-под одеяла, я провалилась в полусон-полуявь.

Яркий, очищающий, священный огонь. Светит, но не ослепляет. Лижет руки и ноги, но не жжёт. Шелестит, потрескивает, шепчет как будто: «Не бойся, я не причиню тебе никакого вреда».

– *Эт магис, эт нон тотиус дикамус!* – слышится откуда-то сбоку.

Поворачиваю голову – никого не вижу. Только прислушиваюсь к непонятным словам. Я принимаю их за язык эльфов и почти умираю от страха, пока сквозь огонь не проступают четыре вполне человеческие фигуры в плащах с надвинутыми капюшонами.

тыми по самые глаза капюшонами...

Проснулась резко, будто выныривая из морской глубины, и задышала часто-часто. Сердце билось как сумасшедшее, пульс молотом стучал в висках.

Что со мной такое? Почему мне снова снится этот сон, хотя я чувствую себя вполне здоровой? И почему я всегда просыпаюсь в самый неподходящий момент? Мне бы хотелось понять, что случилось после и что тому предшествовало.

В спальне душно, как в парилке. И темно, хоть глаза выколи. А парни храпят так, что уши закладывает. Ужас. Бывало, Рейна сопела во сне, когда была простужена, и это сильно мне досаждало, но теперь-то я понимаю, что в Хендфорде мне крупно повезло с соседкой.

Поднявшись с постели и растопырив руки, чтобы случайно не разбить себе лоб о металлическую кровать, я осторожно направилась к выходу. Как вдруг наткнулась на чью-то пятку. Я невольно ахнула и отшагнула, а парень всхрапнул и затих.

– Кто? – хриплым ото сна голосом спросил он. – Кёртис, ты? Снова галлон воды перед сном выпил?

– Спи, – ответила я, стараясь, чтобы голос прозвучал как можно ниже.

И двинулась дальше.

В коридоре под потолком тускло горела лампочка. Опасаясь наткнуться на дежурного, я вылезла в ближайшее ок-

но. Гм, прекрасно. Второй этаж – не третий. Почти идеально приземлилась на корточки, угодив на мягкий газон. Едва ладони коснулись земли, вверх по нервным окончаниям заструилась магия. Странно то, что левая рука пропускала магию нормально, тогда как в правой, запястье которой сжимал браслет, ощущалось жжение и покалывание.

Поднявшись на ноги, я осмотрелась. Освещение на ночь приглушили, но внутреннее пространство академии просматривалось неплохо. Ну и где же мой лучший друг Брайс? Я сумасшедшая, знаю, но сейчас мне жизненно необходимо его увидеть!

Озираясь по сторонам и стараясь держаться тени, я зашагала туда, где в просторной клетке под двойной магзащитой сидела адская гончая. Скажи мне кто раньше, что я по доброй воле буду искать встречи со своим заклятым врагом до того, как поступлю на службу в легион, ни за что бы не поверила.

Ночь была душной. Луны не видно, но небо усыпали звёзды, складывающиеся в незнакомые созвездия. А где-то за тысячи миль в заснеженном доме спит мой маленький братик Миррен. Я не имею права его подвести.

Но ведь не выгонят же меня за то, что я выбралась из душной спальни подышать свежим воздухом?

Я шла мимо благоухающих клумб, высоких кипарисов, фонтанов и учебного корпуса с растущими у самого крыльца зубастыми дионейми. Дежурный патруль я видела лишь раз,

и то там оказался не Брайс и тем более не наш новый командир. Парни откровенно скучали и пытались травить анекдоты, но выходило так нудно, что я не удержалась от зевка.

Дождавшись, пока патруль не скроется за углом учебного корпуса, я двинулась дальше. Дорогу я более-менее помнила, однако в сумраке ночи всё казалось каким-то другим. Новым. Чуждым. Фантастическим. Вымощенные серой плиткой дорожки расходились из-под ног клубком змей, стороны света перепутались и, если бы гончая снова не завывала, я бы, наверное, свернула не туда. От этого жуткого воя кожа покрылась крупными мурашками, а внутри всё заледенело, будто я опустошила целый холодильник мороженого. И всё же было в этом вое что-то такое... подневольное, что ли. Словно гончая просила о чём-то. Нет, даже не так. Умоляла – вот это слово. Но разве оно применимо к самым жестоким и беспощадным созданиям на планете?

Фицрой говорил, ночью дежурные кормят пленённую гончую. Должно быть, именно этим Брайс сейчас и занимается. Что, если ему страшно? Нужна помощь? А если противный Фицрой над ним издевается и заставляет делать что-то против воли?

Стиснув зубы, я направилась туда, откуда раздавался рёв. Площадка с клеткой была отлично освещена. Но, боги всемилостивые, Брайс подобрался к ней непозволительно близко! И бросает этому ужасному существу куски мяса через специальный жёлоб. Точнее, не бросает, а аккуратно кла-

дёт, а та хватает крупные куски и при этом повизгивает, как обычная дворняга. Притворяется, гадина! Этим существам хитрости не занимать.

Мне бы броситься к другу, оттащить его как можно дальше, уберечь, защитить!.. Но мои ноги будто к земле приросли и корни пустили! Я не могла и шага сделать! Такое впечатление, что я не Нокса в корягу превратила, а саму себя. Всё, что мне оставалось – стоять и смотреть, как мой лучший друг по доброй воле кормит существо, которое, быть может, убило в Альверии не один десяток людей. А что, если среди них были наши знакомые? Друзья?..

Нет, не по доброй воле он это делает! Его заставили!

Где же этот проклятый Фицрой?

Я поморгала, перевела взгляд и глазам своим не поверила. Наш командир притащил длинный шланг и направил поток воды прямо в клетку. И этот человек пугал меня тем, что я буду убирать нечистоты за гончей! А вышло с точностью до наоборот. Как любит повторять тётя Эмили, зло, задуманное и сотворённое тобой, к тебе во сто крат возвратится.

Фицрой максимально расслаблен и, кажется, не испытывает никакого внутреннего дискомфорта. Может, я ошибаюсь? Освещение с той стороны такое себе. Он определённо должен испытывать стыд, ненависть и отвращение!

Но пока я, злорадствуя, наблюдала за командиром, Брайс исчез. Как только я это поняла, запаниковала и бросилась на его поиски, не думая, что могу выдать себя с головой. Но тут

меня окликнули:

– Элла!

Я не успела обернуться, как почувствовала широкую ладонь у себя на талии.

– Что ты здесь делаешь?

– Боги, Брайс! Зачем так пугать? – прошипела я и резко умолкла – за плечом друга появился Фицрой. – Не трогай меня! Убери руки!

– Ну зачем ты так? Не нужно было ради меня рисковать, – пожурил Брайс. Но руки при этом не убрал. Так Фицрой и поверил, что мы не пара! Пришлось выпутываться из объятий самой.

– Меня никто не видел, – поспешила уверить я. – И, если вы меня не сдадите, никто и не заметит.

– Не сдадим, даже не надейся, – усмехнулся друг. Узнаю прежнего Брайса!

– Я просто не могла не прийти, – я говорила так, будто оправдывалась, но на самом деле пристальное внимание командира и его скрещенные на груди руки ужасно меня бесили, – нужно было убедиться, что с тобой всё в порядке. Как твои раны?

– Беспокоилась? Моя ты хорошая. Всё отлично, не переживай.

Забыв о просьбе, Брайс приобнял меня за плечо. Для него это естественный дружеский жест, но Фицрой может подумать бог знает что. И выражение лица у него такое, будто его

сейчас стошнит. Однако он смотрит и смотрит, извращенец!

– Хватит меня обнимать, Брайс, – процедила я.

– Ладно-ладно, прости, – улыбнулся тот. – Давай проведу тебя обратно, раз уж ты убедилась, что я жив и здоров.

– Нужно поставить магзащиту. Сейчас же, – вмешался Фицрой. – И вернуть шланг и вёдра на место.

– Мне так жаль, что тебе пришлось этим заниматься, – посочувствовала я.

Брайс пожал плечом.

– Кому-то же нужно это делать.

Парни вернулись к клетке. Я не решилась подойти ближе, чем на двадцать футов. Это для меня и так непозволительно близко.

Брайс стал с одной стороны, Фицрой – напротив. И оба, направив раскрытые ладони к центру клетки, стали читать заклинания. С ладоней сорвались мерцающие плетения и паутиной оплели периметр с внешней стороны. Гончая при этом угрожающе рычала, но было видно, что за столько-то лет успела привыкнуть к данному ритуалу. Магия сверкнула в темноте голубовато-оранжевыми сполохами и погасла. Дотти рыкнула и свернулась клубком в самом дальнем углу.

– Магзащита – это, безусловно, хорошо, – вслух подумала я, – но какой в ней смысл, если на этих тварей она не действует?

– Фицрой сказал, чтоб свои не лезли, – пояснил Брайс.

Почесав шею, он подхватил пустые вёдра и кивнул мне,

словно спрашивая, хочу ли я пройти с ним или останусь ждать здесь. Конечно, я иду с другом!

Однако, стоило мне приблизиться, как я увидела то, чего увидеть не ожидала никак. Лицо и шея друга покрывались красными пятнами.

– Боги, Брайс! – ужаснулась я. – Прости меня! Я не хотела! Разве я могла подумать, что именно ты станешь меня трогать?

– Ты о чём? Тебя кто-то обидел? – не понял друг и снова почесался. – Чёрт. Комары погрызли, что ли?

– Нет, не комары. Это я. Я наслала на тебя порчу. То есть не конкретно на тебя. Я прочла сильное защитное заклинание и, в общем, каждый, кто тронет меня этой ночью без спроса, покроется язвами.

– Получается, я прикоснулся к тебе против твоей воли?

– Ну да, я же просила тебя убрать руки. Прости! Нужно было снять чары, я не подумала.

– Не кори себя, я сам виноват. В следующий раз обязательно спрошу разрешения, – и он улыбнулся так обезоруживающе, как мог улыбаться только мой старый добрый друг Брайс Беккет.

– В чём дело? – уши резанул властный голос Фицроя.

Пришлось всё ему объяснить. Его лицо при этом выражало всё, что он о нас думает, и ничего хорошего в его мыслях точно не было.

– Исцелить сможешь? – только спросил он.

– Я не целитель, а боевой маг! – возмутилась я.

– Какой из тебя боевой маг, я узнаю завтра, – процедил он.

– Мои лучшие ребята уехали в Хендфорд, а мне прислали каких-то...

Он сдержался от резкого слова. А вот Брайс контроль не удержал:

– Да пошёл ты, командир!

– Молчать, – остановил его Фицрой. – Мы идём к целителям, а ты, Фостер, возвращайся обратно в кампус.

– Я останусь с Брайсом, – упёрлась я.

– Элла, тебе и правда лучше пойти поспать, – сказал друг.

– Когда меня нормально просят, я, так и быть, могу послушаться, но это не точно, – эти слова адресовались уже Фицрою.

– Чёрт с тобой, – со стоном выдохнул тот и вынул из кармана такую же фосфоресцирующую повязку, какие красовались на рукавах дежурных. – Если встретишь кого-нибудь, пусть примут тебя за дежурного. Я завяжу?

– Боишься, что тоже покроешься язвами? – злорадно спросила я.

– Самая большая язва в Балленхейде – это ты, Фостер, – и он, не дожидаясь позволения, продел конец повязки у меня подмышкой.

– Ошибаешься. Не в Балленхейде, а во всей долине Валькорна, – и добавила с неприкрытым сарказмом: – И только для тебя, мой командир.

Фицрой, явно не ожидая от меня подобного, отпрянул, будто я его током ударила.

– За мной, – кивнул он Брайсу и, не обращая на меня никакого внимания, быстрым шагом зашагал по дорожке.

Я поспешила следом.

– А мы разве не в медпункт идём? – поинтересовалась я, когда, по моему мнению, Фицрой свернул не туда.

– В медпункт нам нельзя, – бросил он, – если ты, конечно, не хочешь получить три наряда вне очереди. Нам нужно на факультет военной медицины.

– О!.. Гм... Отлично, – пробормотала я.

А Брайс не постеснялся озвучить мою предательскую мысль:

– Спасибо. От души.

– Я ничего не делаю просто так, – отрезал командир. – Будете должны. Оба.

Да что ж такое! Две недели назад меня вампир шантажировал, теперь собственный командир!

– Э нет, – возразила я, – я выбираю три наряда вне очереди.

Фицрой смерил меня презрительным взглядом и ничего не ответил.

– Да брось, наш командир не потребует ничего противозаконного, – оптимистично отозвался Брайс и добавил совершенно другим тоном: – Иначе сам загудит на губу.

– И это в лучшем случае, – поддержала я.

– Моя бабушка разводит собак карликовых пород, – как бы между прочим сказал Фицрой, – так вот, они очень смешно лают, а вреда причинить не могут.

– Ты на что это намекаешь? – напыжился Брайс.

– Считай, это ответ на твой вопрос о Дотти.

Бедняга Брайс! Все видимые участки тела покрыли язвы, и я только могла догадываться, что под одеждой дела обстояли намного хуже. Ну как я могла? Действительно, зло, сотворённое тобой, к тебе во сто крат вернётся. И сейчас я терзалась чувством вины почти так же сильно, как страдал от чесотки Брайс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.